Альберт Иванов
Приключения
Колы и Суслика

Альберт Иванов

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ХОМЫ И СУСЛИКА

ПОЗНАКОМЬТЕСЬ С ХОМОЙ

Вот он. Обыкновенный хомяк. Щёки — во! Шубейка из недорогого меха.

Хома стоит на задних лапах и смотрит вдаль.

Чуть какая опасность: лиса или пионеры — нырь под землю!

Тут в норе Хома никого не боится. Закроет глаза и спит. Когда мы спим, мы все хорошие.

Когда Хома не спит, он шныряет по полю. Зёрна собирает. Воришка, значит. Но это мы знаем, а он не знает. Видит, зёрна осыпались — хвать! Будто так и надо. Думает — ничьи.

Поэтому его считают вредителем. Он так не считает.

Почему? А потому!

Лучший друг Суслик нередко Хому во всём слушается:

Хома на целых полгода старше. Значит, умнее. Правда?

«Ты хорошо сохранился, — говорит ему Суслик. — Ну, уцелел!»

«А если б не уцелел?» — хмурится Хома.

«Тогда бы ты не был на полгода старше», — улыбается Суслик.

Такие вот они, дружки!

КАК ХОМА ЗАРЯДКОЙ ЗАНИМАЛСЯ

Всю ночь Хома плохо спал. Всю ночь по полю со скрежетом ходила огромная машина — комбайн. Она ярко глазела фарами, свет даже в нору проникал.

Хома было подумал, что больше не придётся светляками запасаться для освещения. Он думал, комбайн теперь каждую ночь по полю гулять будет. Шумит, правда, зря…

Так спал он и просыпался, пока не проснулся совсем.

Зарядку он делать не стал.

За него зарядку Суслик делал. Самому Хоме — лень.

— Сделай, — говорит, — за меня зарядку. А сам лежит под кустом и смотрит.

Суслик и давай за двоих стараться — приседает, подпрыгивает…

Умаялся вконец. Еле дышит! Но Хома ему:

— Какая же это зарядка без купания?! А вода в ручье холодней холодной.

Плавает Суслик, а Хома на бережку сидит.

— М-о-о-жет, х-хватит? — спрашивает его из воды лучший друг Суслик.

— Ишь ты! — возмущается Хома. — Плавай, плавай, пока я не устану. Мне плавать полезно. Мне доктор Дятел ванны велел принимать!

Наплавается Суслик до посинения и вылезет на берег.

— Славно я сегодня зарядился! — встанет довольный Хома и сладко потянется. Он уже задремать успел. А Суслика от усталости так и шатает.

— Так и быть, хватит, — расщедрится Хома. — Только завтра встань пораньше, чуть светать начнёт. И побегай за меня босиком по росе. Но смотри, не жульничай. Всё равно узнаю. Мне бегать врачи велели. Ты же не хочешь, чтоб твой лучший друг заболел? Старайся!

Ну вот. Встал Хома, а комбайна уже нет. И пшеницы нет. Всё зерно ночью собрали.

Поле будто наголо подстрижено. И Суслик бегает.

— Бегаешь? — зевнул Хома.

— А может, не надо? — взмолился Суслик.

— Ты что, устал? — удивился Хома.

— Устал, — пропыхтел Суслик.

— Чего? Это я устал! — рассердился Хома. — Ты же за меня бегаешь! Ох, как я устал… Прилягу, отдохну. А ты бегай, бегай!

КАК ХОМА НА ДАЛЬНЕЕ ПОЛЕ ЗА РОЩУ ХОДИЛ

Лежит Хома, а Суслик бегает. Вдруг трактор на поле показался.

— Все по домам! — крикнул Хома и бросился в нору. Суслик — в соседнюю.

Рычит трактор. Страшно!..

Высунул Хома голову.

Трактор мимо идёт и сердито трясётся. За трактором плуг землю пашет.

А за плугом вороны вышагивают рядами, как на параде, и червяков склёвывают.

— Эй, гляди! Карр! — махнула Хоме крылом главная Ворона. — Мы трррактор приррручили! На всю стаю ррработает! Отборррные черррвячки!

— Нужны они мне! — буркнул Хома.

— Ни одного упавшего зёрнышка теперь не останется, — поддакнул ему Суслик, тоже высунув голову.

— Не пищи, — важно заметил Хома. — Там, за рощей, ещё одно поле есть.

Дальнее. Там горох растёт.

— Горох? — облизнулся Суслик.

— Ну. А ты думаешь, откуда я его ношу?

— А я не думаю, — признался Суслик. — Я его ем.

— Лентяй, — буркнул Хома.

— Я не лентяй, я шустрый, — надулся Суслик.

— Мне лучше знать! — рассердился Хома. — А ну-ка, сгоняй на Дальнее поле за стручками. Всё равно ты мало сегодня бегал, тебя трактор спугнул.

— Ого, мало! — заныл Суслик. — Три часа вместо двух!

— Три часа?! — ужаснулся Хома. — По мокрой траве?! Я же простудиться могу!

— За тебя я только два часа, — торопливо сказал Суслик. — А час за себя.

— За меня — два? А за себя — час? — Хома поспешно пощупал свои задние лапы. — То-то у меня пятки гудят!.. Раз ты за себя недобегал, беги за стручками. Хитрый какой!.. Меня чуть до смерти не загонял за два часа, а себе час выгадал.

Суслик виновато заморгал глазами.

— Не пойду, — робко пискнул он и исчез в норе.

— Я Волка боюсь, — снова высунулся он и опять скрылся.

— И Лисы! — опять показался он. Снова исчез. И больше не показывался.

— Ну, я тебе припомню, — сказал Хома.

И пошел сам. Потому что есть захотелось.

Если бы есть не хотелось, Хома никогда бы из норы не выходил. А зачем? Были бы запасы, протянул лапу — зерна сушеные. Протянул другую — горох. Лежи и в потолок смотри. Интересно!

Волка Хома не боялся. Он его совсем не боялся. Чего бояться! Трах Волка чем-нибудь по лбу — и готов! Жалко даже, что Волки в их роще не водились.

Лиса, конечно, была. Но старая. Видит плохо. Бегает с одышкой. Опасная Лиса. Хищник! Того и гляди!..

Хома подумал и решил назад повернуть. Сцапает ещё! Но уж очень ему есть хотелось.

Роща была далеко, чуть виднелась на горизонте. Скошенное поле кругом…

Но мало ли что… На всякий случай Хома решил добираться ползком. Полз он медленно.

Проползёт немножко, встанет, подпрыгнет, оглянется по сторонам.

И опять ползёт.

Когда он ползком подобрался к роще, стемнело.

Тут Хома совсем струхнул.

Темно, ужас как темно! Шишки с деревьев падают — шлёп, шлёп! — словно шаги чьи-то.

Ползти или не ползти?

— Бежать! — храбро сказал себе Хома. — Раз — и там! Испугаться не успею.

Он решил как следует разбежаться и отошёл немножко назад.

Потом ещё немножко…

«Эх! — думал Хома, отходя. — Как разбегусь, сразу рощу проскочу! Главное — хороший разбег!»

Так он отходил, отходил, отходил…

Ещё, ещё, ещё…

И вдруг провалился под землю!

— Странно, — почесал Хома затылок, оглядываясь. — На мою нору похоже. А может, не моя!.. Проверим. Если ничего поесть нету, значит, моя.

Он обшарил все углы — пусто.

— Моя! — обрадовался Хома. — Посплю часок-другой, сил наберусь — и в путь.

Хома и правда провалился в свою нору.

— А Суслик уже небось спать ложится, — ворчал Хома, заваливаясь на постель. — Бывают же такие лентяи!

Хома проспал не только часок-другой, а ещё прихватил третий и четвёртый.

Он бы всю ночь проспал, если б налетевший ветер не угнал тучи.

Хома открыл глаза и прищурился. Яркая Луна заглядывала в нору и светила на Хому, как прожектор.

Попробуй усни!..

Но тут Хома вспомнил про горох и поспешил наружу.

Дальше отступать он не стал, теперь разбег у него был достаточный.

— На старт… Внимание… Марш! — сам себе скомандовал Хома и понёсся к роще.

Быстрей, быстрей, быстрей!..

Ещё, ещё, ещё!..

С разбегу Хома одолеть рощу не смог.

К роще он приплелся шагом, потому что совсем выдохся.

— Умираю, — задыхаясь, пролепетал он. Схватился лапой за сердце и тяжело опустился наземь у бревна через ручей.

— Караул! — хрипло заголосил кто-то под ним.

Хома не заметил, как сел прямо на старуху Лису. Свернувшись в клубок, она спала под деревом.

Хома с визгом подпрыгнул. По бревну — через ручей! И в чащу! Откуда прыть взялась?!

Не успел Хома опомниться, как роща кончилась и он очутился на Дальнем поле.

— Вот что значит хороший разбег! — довольно сказал Хома.

КАК ХОМА РАССМЕЯЛСЯ

Хома сорвал пять самых больших стручков.

Рвал он их так: подпрыгнет, обнимет стручок, повиснет и — хлоп с ним на землю!..

Сложил он их на передних лапах, как поленья, — и в обратный путь. С грузом не побежишь. Да и куда там бежать, еле отдышался.

Через рощу он на цыпочках шёл, тихо-тихо. Ночь…

И прежде чем шагнуть, каждый раз лапой легонько впереди путь ощупывал. Опасался на Лису наступить. Ложится где попало!

Дошёл до бревна через ручей и остановился.

Со стручками не очень-то просто на другой берег перейти. Равновесие держать надо.

Вот если б шесть стручков было, тогда другое дело. По три под мышку — и шагай.

А с пятью как?

Но Хома и тут нашёлся. Сначала два перенёс, а потом ещё два.

Четыре, значит.

2 + 2 = 4

Вернулся за пятым. А как его нести? Равновесия нет!

Пригорюнился Хома. Что делать?

Придумал! Ура!

Перебежал он опять по бревну на другой берег. Взял там один стручок из четырёх и возвратился назад.

Теперь у него два стручка. Ага!

1 + 1 = 2

Спокойно переходи. Он и перешёл.

Идёт через поле, вот и дом-нора уже близко, почти рядом.

И тут он остановился.

— Эх, дурень я, дурень, — покачал головой Хома. — Зачем я такую тяжесть в такую даль тащил! Надо было прямо на месте, на Дальнем поле за рощей, стручки вылущить. А горошины за щеками нести. Намного легче!

И Хома повернул обратно.

Снова до ручья дошёл.

Снова в рощу через ручей перебрался по брёвнышку.

Только на этот раз он хитрей сделал. Просто перекидал стручки один за другим на тот берег, а затем и сам перешёл.

Стручки он до утра искал.

Кусты, темно, ничего не видно. Нашёл все-таки!

Тут и Солнце взошло.

Пересёк он рощу. Опять пришел на Дальнее поле.

Вылущил три стручка. Горошины за щёки в «кладовочки» сложил. Щёки раздулись, как два шара, из-за спины видно.

Два оставшихся стручка взял под мышки — и снова в обратный путь.

Идёт, сопит. Животом траву раздвигает. Щекотно.

— Ны… смышите… мыня, — шамкал Хома сквозь зубы. — Мыне… смыяться… ныльзя!

Комар в нос укусил.

— Ны… смышите… мыня!

Дошёл до бревна.

Лягушки в ручье проснулись, прыгают, плавают.

Идёт Хома по бревну, покачивается. Видно, рассчитал плохо: за одной щекой горошин больше.

Увидели Хому лягушки, залились смехом. Хором хохочут. Весело им.

— Ны… смышите! — Держится Хома, крепится изо всех сил.

А лягушки от хохота заходятся. Очень заразительно. Не выдержал Хома. На самой середине ручья как прыснет — фрр! — все горошины вылетели!

— Ха-ха-ха! — захохотал Хома. — Ха-ха!.. Ха-ха!.. Ой, не могу!

Лягушки от смеха чуть не лопнули.

Так Хома и вернулся домой, только два стручка и смог донести.

Положил их у входа в нору, а сам отдохнуть рядом прилёг, устал, умаялся…

Проснулся — нет стручков! А на том месте, где лежали они, Суслик сидит и облизывается.

— Стручки где? Отвечай! — вскричал Хома. — Съел?

— Я не один, — обиделся Суслик, — мы вдвоём.

— С кем? — вскипел Хома. — Веди! Я ему хвост оторву!

— Себе? — удивился Суслик.

— Как — себе?

— А так! Я за тебя утром зарядку сделал, прихожу, вижу — два стручка. Как раз на двоих. Ну, я и закусил. Ты не думай, я тебя не обделил. Сам я маленький стручок съел, а за тебя второй, побольше. Правда, вкусный?

Подумал Хома, всё верно, всё сходится.

Только одно непонятно: почему ему есть хочется?!

Странно…

КАК ХОМА РЫБУ ЛОВИЛ

— Никогда мы с тобой в жизни рыбки не пробовали, — сказал Суслик лучшему другу Хоме. — А мне её Выдра так хвалила!.. Пошли рыбку ловить.

— А ты ловить умеешь?

— Нет. Но я, наверное, очень люблю рыбку ловить, — заявил Суслик.

— Раз не умеешь, меня слушай, — отмахнулся Хома. — Прежде всего нужна удочка.

— Удочка. Понятно, — кивнул Суслик. — А это что такое?

— Ну, палка. Только длинная. С ниткой.

— Ага, — кивнул Суслик.

— А на нитку — поплавок, — продолжал Хома.

— Ясно, поплавок. Только длинный. Чего ж ещё, — кивнул Суслик. — А зачем?

— Ну, я точно не знаю, зачем, — признался Хома. — Поплавок — это перо гусиное, наполовину красное, наполовину белое. Я думаю, плавает поплавок на воде, тебе веселее на берегу сидеть, есть на что посмотреть.

— Красиво… — мечтательно сказал Суслик.

— А ещё грузило, — продолжал Хома.

— Ага, грузило, — закивал Суслик. — Без грузила нам нельзя! А это… как оно… на вид… такое то-о-олстое, да?

— Сам ты толстый! — взревел Хома. — Гру-зи-ло! Понимаешь?

— Я понимаю, — жалобно сказал Суслик, — я толстый. Но я ничего не понимаю.

— Охотников знаешь?

— Знаю, — поёжился Суслик.

— Чем они стреляют?

— Ружьями, — насупился Суслик.

— Я не о том! Что из ружья летит?

— Огонь, — попятился Суслик.

— А ещё что?

— Дым, — зажмурился Суслик.

— Уф-ф! — Хома вытер пот со лба. — А вот скажи, что тебе в прошлом году в хвост попало?

— Дробинка, — вздрогнул Суслик.

— Вот она-то и есть грузило!

— Теперь понял, — обрадовался Суслик, — берёшь дробинки и в рыбу кидаешь.

Хома схватился за голову, сел и начал раскачиваться:

— Да не кидаешь, а к нитке привязываешь!

— Зачем?

— А я почём знаю? Положено так. И ещё нам нужна насадка. Я раз на реке рыболова видел. Он рыбу одну за другой таскал удочкой, — затараторил Хома. — Бросит червяка в речку. Рыба хвать его, а он её — на берег!

— А почему же она губы не разжимает, — сомневался Суслик.

— Немая она, вот почему, — сказал Хома, — и ума нет.

— Ясно, — встал Суслик, — идём ловить. Нашли они длинную палку, а нитки нет.

— Ничего, — сказал Хома, — и без нитки обойдёмся.

— А поплавок?

— А где я его тебе возьму? Я же не гусь, я из себя выдернуть не могу! Придётся без поплавка. Уж как-нибудь. А вот грузило найдём, — уверенно заявил Хома. — Пошли охотников искать. Только, чур, как начнут палить, не беги. На лету дробь лови.

Суслик сразу остановился:

— Давай лучше без грузила. Ну его!

— Пожалуй, ты прав, — согласился Хома, — всё равно привязывать некуда.

Накопали они червяков и уселись на крутом берегу. Прямо под ними — омут, вода крутит, щепки носит. Хома палку держит, а Суслик в воду червяков кидает и кричит:

— Тяни!

Откинется Хома с палкой назад:

— Сорвалась.

Час ловят, два ловят — не ловится рыба. Срывается.

— Тащить не умеешь! — вскинулся Суслик на Хому. — Давай меняться!

Поменялись. Хома червяков бросает, а Суслик палкой машет. Не ловится рыба, да и всё тут.

— Может, насадка не та, — задумчиво сказал Хома. — Может, что другое кинуть надо?.. Я слышал, Сом на жареных сусликов берёт…

Суслик почему-то обиженно отвернулся.

— Слушай, — вдруг засиял Хома, — я догадался. Мы неправильно рыбу ловим. Ты полезай в воду и плавай, будто ты насадка. Вместо поплавка я тебе полено кину. Устанешь, схватишься, отдохнёшь. Эх, мы! Ну, лезь, лезь!

— А рыба? — спросил Суслик.

— А что — рыба? Ты будешь рыбу приманивать. Выплывет на тебя, на дурня, посмотреть, хватай за жабры. И мне — на берег! Только подбирай!

— Давно бы так, — подобрел Суслик, — сколько времени зря потеряли.

Стал Суслик с обрыва спускаться, поскользнулся — и шлёп в воду! Брызги полетели! Вынырнул и орёт с перепугу:

— Тону!

Хома ему скорей полено кинул. Хорошо, что промахнулся. Вцепился Суслик в полено, носит его водоворот по кругу.

— Спасите! — кричит.

— Рыбу, рыбу высматривай, — советовал Хома с обрыва. — Не забывай, ты — насадка. А Суслик знай одно вопит:

— Спасите! Помогите!

Пришлось Хоме палку ему с обрыва протянуть. Изловчился Суслик, когда его на полене мимо проносило, и схватился за палку. Еле-еле выбрался.

— Видал? — торжествовал Хома. — А ты говорил: зачем поплавок, зачем удочка? Только бы тебя без них и видели!

Больше они никогда не ловили рыбу.

Да и как тут с ним, Сусликом, ловить?

Он только рыбу пугает!

КАК ХОМА СВОЮ ТЕНЬ ОБОГНАЛ

Решил как-то вечером Хома ноги размять. Вышел из норы. Луна.

И всё кругом тени отбрасывает.

Даже трава.

Даже Муравьи, домой опоздавшие.

Даже Мошки — летят, а под ними по земле крошечные, как булавочный укол, тени бегут.

А самая большая тень — от заснувшего на поле трактора. Она все маленькие тени накрыла. Летел над полем Филин-полуночник, тенью своей крылатой любовался, глазищами сверкал. А как мимо трактора пролетел, с горя заухал, тень потерял.

Стоит Хома, тенью своей любуется! Упитанная такая. Плечи! И ростом вышла!

— Хорошая тень, — сказал Хома. — Пробегусь-ка я с ней шагов пять наперегонки. И хватит. И спать. Побежал Хома, вслух шаги считает:

— Раз… два… три, — не может свою тень догнать. — Четыре… пять.

Остановился Хома. Смотрит на свою тень и головой сокрушённо качает.

И тень в ответ головой качает, передразнивает. Обогнала и рада.

Обидно ему. Чужую не догнал бы, это пусть, ладно. А свою — очень обидно.

«Ведь не какая-то, а своя, родная, — размышляет. — Ну, бегаешь хорошо, сам вижу. Моя тень и не может бегать плохо. Но поддаться же можно, хоть чуть отстать, а не мчаться сломя голову вперёд?»

— Ну, ладно! — рассердился Хома. — Не хочешь добром? Я тебя сейчас так загоняю, три дня не встанешь! Или четыре.

И как припустился по полю!

А тень — впереди и впереди.

Хома и путь нарочно поухабистей выбрал, а ей хоть бы хны! Ни разу не споткнулась, через все кочки прыгает!..

— Нетушки, — сказал он сам себе. — Бегай тут за ней, гоняйся… Заведёт ещё, назад не вернёшься. Пусть сама бегает, а я — домой.

И на бегу поворачивать начал.

Видит, тень свой бег замедлила и постепенно за ним потянулась.

Хотел Хома поднажать, да сил нет. Сел.

И тень позади села. Ей, видно, тоже не сладко. Устала. Бока так и ходят.

Отдышался немного Хома. Встал.

Потихоньку домой зашагал. А сам оглядывается.

Тень за ним послушно плетётся.

Длинная. Тощая. Похудела. Спотыкается…

— То-то же! — крикнул ей Хома. — Что, не видно тебе ничего? Заслонил дорогу? А каково мне было за тобой гоняться и всё время под ноги смотреть?! Попробуй теперь догони!

И помчался.

Больше он с ней говорить не стал. Дыханье берёг. И назад пореже оглядывался. Драгоценные секунды терять? Как же!..

Не смогла его тень догнать, как ни старалась. А тут ещё Луна за тучу скрылась. Прибежал Хома к норе, оглянулся. Тени нет. Отстала где-то.

— Ага! — вскричал Хома. — Наша взяла! А потом забеспокоился, стал «ау» кричать. Не отзывается. Совсем потерялась. Пошёл Хома Суслика будить, чтоб вместе тень поискать.

Суслик, конечно, спал! И свистел носом во сне.

— Вставай, лежебока!

— А?.. Чего? — вскочил Суслик.

Только хотел Хома ему обо всём рассказать, снова Луна появилась, в нору заглянула.

И тень к ногам Хомы пристроилась.

Тут только догадался он: отстала тень, потом темно стало, вот и спутала она его нору с норой Суслика.

— Так и ходи сзади, — пригрозил ей Хома. — Будешь знать!

КАК ХОМА КЛЕТКУ НАШЕЛ

А так — взял и нашёл.

Возле этого омута, где они с лучшим другом Сусликом рыбу ловили.

Клетка у берега из воды торчала. Возможно, её течением принесло. Возможно, она где-то с воза упала.

Вытащил её Хома.

Отличная клетка. В ней не иначе Орла держали. Большая, просторная. Два шага влево, два — вправо. С дверцей.

Влез в неё Хома, дверцу закрыл. Замечательно! Живи сколько влезет. И никого бояться не надо. Ни Коршуна, ни Лисы, ни Волка, если он вдруг объявится.

Просунул Хома ноги сквозь прутья, приподнял немного клетку и пошёл. Гуляет.

В рощу зашёл, нарядом своим похвастаться.

Лиса его как увидела — с ней припадок случился.

Старина ёж большой завистью позавидовал. Еще бы, лучше всяких иголок защита!

Птицы отовсюду поналетели, зверьки понабежали! Ох да ах! Ахи, охи! Шмыг, шмыг, шмыг! И вздохи, вздохи!

— Это что! — гордился Хома. — Я ещё в разные цвета её покрашу.

— Везёт же! — прошептал Заяц-толстун.

Очень Хоме эта клетка полюбилась.

Он даже свою нору так приспособил, что вместе с клеткой туда залезал и спать ложился. А на ночь дверцу закрывал. Никому не войти! А утром и из норы выходил вместе с клеткой.

Слава о нём по всем окрестностям катилась!

Виданное ли это дело! Какой-то хомяк, а куда хочет ходит, что хочет делает, и ничего с ним сделать нельзя.

До того осмелел, всюду свой нос суёт, вмешивается. Лису прямо в глаза слепой обозвал — никакого сладу!..

Совы очкастые и филины лупоглазые стаями по ночам слетались. Сядут вокруг норы и глазами хлопают. Видит око, да клюв неймёт.

Собрались они раз на совет.

Что ж это такое?! Ишь вздумал! Что, если все хомяки, суслики, зайцы, птахи и мыши малые начнут клетки носить! Конец тогда. Хоть в воду.

Стали совы и филины Хому уговаривать клетку продать.

А он ни в какую!

— Она мне, — говорит, — дороже жизни. Жизнь нынче дорога. Очень.

А какой-то чужой Филин, не из рощи, крик поднял:

— Это моя клетка! Я в ней в тепле сидел! Меня три раза в день кормили!

Она с воза упала, дверца открылась, а я, глупый, и вылетел!

— Так тебе и надо, — заметил Хома, — не вылетай раньше времени.

Жил бы себе Хома припеваючи в клетке всю жизнь, да ребята отняли. Они ещё маленькие, они не понимали, что Хоме клетка ой как нужна.

Шёл он однажды через поле, слышит крик:

— Клетка идёт! Где? Где?.. Вон-вон! Сама идёт, на ногах!

Оглянулся Хома, мальчишки к нему бегут. Он — от них. Но с клеткой побегай, тяжело всё же. А мальчишки всё ближе. Открыл Хома дверцу и дал дёру.

Так Хома клетки лишился. А новую, как ни искал, не находил. Такое не часто случается.

— Уж если тебе так повезло с клеткой, — сказал ему лучший друг Суслик, — сидел бы в норе

и не высовывался. Сам виноват!

КАК ХОМА КУДА-ТО ХОДИЛ

Однажды под вечер Хоме вдруг стало очень грустно.

Ему стало очень жаль себя почему-то. Так жаль, хоть плачь.

Бывает, правда?..

Вышел Хома из норы и пошёл куда-то. Идёт Хома, не разбирая дороги.

Встретился в поле лучший друг Суслик.

— Ты куда, Хома?

— Куда-то, — ответил Хома. И пошёл дальше.

— Это далеко, наверное, — забеспокоился Суслик. — Стемнеет скоро. Не ходи. Не послушался его Хома. Встретился в роще Заяц-толстун.

— Ты куда? — спросил. — Куда глаза глядят?

— Нет, — ответил Хома. — Просто куда-то.

— На ночь глядя? — неодобрительно сказал Заяц. — Вернись домой. Утром пойдёшь. Но Хома и его не послушался. Встретился возле ручья старина ,ж.

— Хома, ты куда? — встревожился он.

— Куда-то, — ответил Хома.

— А ты хорошо знаешь дорогу? — испугался за Хому старина ,ж.

— Совсем не знаю, — сказал Хома.

— А куда ж ты идёшь? Ночь на носу. Вернись!

— Решил пойти куда-то, иду!

Кто его только не останавливал, кто ему только не сочувствовал, кто ему только добра не желал! И щёголь Зимородок, и доктор Дятел, и Барсук озабоченный. И даже подслеповатая старуха Лиса. Она огорчалась, что из их мест такой жирный хомяк куда-то уходит.

Кулик его по пути к себе зазывал, своё болото хвалил:

— Там дальше нет ничего!

А Хома шагал и шагал напрямик куда-то.

Может, в леса дремучие, бескрайние. Может, далеко, в далёкую даль. Может, ещё куда-то.

Темнеть стало…

Шёл Хома мимо сарая на краю деревни. Курица-хохлатка его увидала.

— Куда, куда, куда, куда? — заголосила она.

Остановился Хома, сомневаться стал.

«А может, мне и правда домой вернуться? — подумал. — Никто не советует куда-то идти. Что я, умнее всех! Утречком выйду и наверстаю, а?»

— Идти или не идти? — крикнул Хома в темноту.

С луга у реки Коростель откликнулся:

— Спать пора, спать пора!

И повернул Хома обратно. Вернулся в свою нору и спать лёг. А утром никуда не пошёл.

КАК ХОМА НЕВЕЖЛИВЫМ БЫЛ

Как-то Хома Лисе «здравствуйте» не сказал.

— Нехорошо, — заметил лучший друг Суслик.

— А зачем я ей буду «здравствуйте» говорить!

— Все так говорят, — убеждал его Суслик.

— Ну, а если она мне не нравится? — не сдавался Хома.

— Всё равно. Так уж принято. Нравится не нравится, а «здравствуйте» Лисе скажи.

— И Филину?

— И Филину.

— И Волку, если объявится?

— А Волку тем более. Наконец-то ты понял, — обрадовался Суслик.

— Нет, я не понял, — упрямо сказал Хома. — Я им, значит, «здравствуйте», а они себе здравствовать будут?

— Ну да, — кивнул Суслик. — У них здоровья прибавится, дольше проживут.

— А я не хочу! — крикнул Хома. — Чем они дольше жить будут, тем я протяну меньше. Сцапают — и привет! И тебя запросто могут.

— Ты так считаешь? — забеспокоился Суслик.

— Конечно. Вон птицы-стервятники, я слышал, по триста лет живут. А почему? Им все «здравствуйте» говорят!

— Змеи тоже долго живут, — задумался Суслик.

— Вот видишь? Кто прав?

И порешили они не здороваться с коварной Лисой, с Филином-полуночником, с очкастой

Совой, с хвостатой Гадюкой. А с Волком — тем более, если он вдруг объявится!..

Трудно стало жить Хоме и Суслику.

Хищники им проходу не давали, обиделись. Чуть куда выйдешь, гонять начинают. Даже когда сытые.

Чудом Хома и Суслик от когтей и зубов спасались.

— Что же делать? — заплакал Суслик.

— Не знаю, — заплакал Хома.

Плачут они, друг у друга слёзы вытирают. Думали они, думали… Ничего не надумали. Пошли у доктора Дятла совета просить. Дятел на дереве сидел, дерево от короедов и жучков-точильщиков лечил.

— Здравствуйте, — поклонились ему. — Помоги нам.

— Привет, — буркнул он.

Переглянулись Хома и Суслик. Расцеловались на радостях. И домой потопали.

— А чем помочь-то? — крикнул удивлённый Дятел. Но они его уже не слышали, далеко отошли.

— С полуслова нас понял! — восхищался Хома. — Мудрый он, Дятел.

— С приветом, — согласился Суслик.

И стал Хома с лучшим другом Сусликом всем хищникам при встрече «привет» говорить.

И те их гонять перестали. Ну, конечно, когда сытыми были.

А вскоре в Ближней роще ни с того ни с сего злющий Филин скончался. Все считали, от старости.

Но Хома-то с Сусликом знали, от чего.

— Это только начало, — ликовал Хома, — поживём подольше, ещё не то увидим!

КАК ХОМА СТРАШНЫЕ ИСТОРИИ РАССКАЗЫВАЛ

Любил Хома страшные истории. Жизнь уж очень страшна вокруг. Шакалы там, хоть их пока нет. Филины. Ястребы тоже не дремлют. Когти точат…

Ох, как любил Хома страшные истории! До ужаса — у тех, кто его слушает.

Если сам рассказываешь, не так страшно. Особенно, если ты дома. В безопасности.

Очень любил Хома о страшном рассказывать. Когда дома был.

В роще попробуй расскажи! Или в поле! Все вокруг ушастые, слышат хорошо.

Рассказываешь вот о Лисе, а над тобой Ворон вьётся и поет весёлую песенку — вроде он

Жаворонок. А на самом деле не поёт, а подслушивает.

И если что скажешь плохое про Лису, Ворон тут же Лисе обо всём прокаркает.

Лиса ему за это — косточку. За труды. А Хоме теперь — ходи и трясись.

Сцапает!

А того Лиса не понимает: о ком же страшные истории рассказывать, как не о хищниках?

Не о зайцах же, не о воробьях! Кто их боится?! Потому-то Хома и рассказывал страшные истории только дома, в норе. Да и то лишь Суслику, лучшему другу.

Окно занавесит, дверь на крючок закроет и давай рассказывать.

А сам озирается, потому что шкурой своей рискует. Пришёл однажды лучший друг Суслик к лучшему другу Хоме. Поздно вечером.

— Расскажи что-нибудь новенькое, страшненькое, — просит Суслик и вокруг внимательно оглядывается.

Даже занавеску с окна отдёрнул: вдруг там за окном ушастый Филин притаился и слушает.

Никого…

— Ну, начинаю, — сказал Хома.

Распахнул дверь и выскочил наружу. Вдруг там какая-нибудь Мышка-норушка затаилась: подслушает и к Сове побежит жаловаться.

Никого…

Закрыл Хома дверь на крючок и начал:

— Тёмной-претёмной ночью…

— Аа-аааа! — вскричал Суслик, бросился вон из норы, вместе с дверью вылетел. С петель снял!

— Ты что? — строго крикнул из норы Хома.

— Страшно, — ответил из темноты Суслик.

— Ты же сам просил историю поновей! — прикрикнул Хома. И добавил: — Дверь мою верни.

И снова добавил:

— На место.

Вернулся Суслик из темноты в освещённую нору. Там у Хомы под потолком на верёвочке, сплетённой из паутины, светляки висели. Крупные.

Навесили Хома и Суслик дверь на петли. На прежнее место.

— Ну, давай снова. Начинай, — жалобно попросил Суслик. И сел поближе к двери.

— Тёмной-претёмной ночью… — снова начал Хома.

— Аа-аааа! — снова вскричал Суслик и опять выскочил из норы вместе с дверью.

— Может, ты с ума сошёл? — крикнул рассерженный Хома.

— Не, я не сошёл, — жалобно откликнулся Суслик. — Стра-а-шно… И принёс дверь. Опять приладили дверь на место. Опять сели.

— А ты можешь немножко не пострашней рассказывать? — взмолился Суслик.

— Так ты же сам просил пострашней. Новенькое!

— Просил, — согласился Суслик. — А ты не пугай.

— Ладно, — кивнул Хома и снова начал:

— Светлым-пресветлым днём…

— Другое дело, — обрадовался Суслик.

— …Когда солнце давным-давно село… — продолжил Хома.

— Аа-аааа! — вскричал было Суслик, бросившись вон.

Но Хома его остановил и лапой рот ему закрыл. Подрожал-подрожал Суслик и успокоился. А Хома на всякий случай дверь открыл, а не то Суслик опять её снесёт.

— Начинай, — застеснялся Суслик, — только не с начала, а дальше.

— Ладно, — буркнул Хома и начал. Не с начала, а дальше. — Пошёл Суслик в поле гулять. А ночь кругом…

— Аа-аааа! — вконец перепугался Суслик.

И наружу.

И домой бегом.

Забился в свою нору, от страха трясётся. Заснуть пытается. Не даёт ему покоя тот самый Суслик, который ночью в поле вышел. А вдруг там, в поле, ему навстречу — Лиса молодая! Быстроногая!..

Ворочался лучший друг Суслик, ворочался, встал и к Хоме пошёл.

А у Хомы дверь открыта. Забыл закрыть. И спит себе спокойненько, будто дверь закрыта и будто не ночь на дворе.

Тронул его Суслик за плечо.

— Аа-аааа! — вскричал спросонья Хома и наружу выскочил.

И хоть дверь открыта была, всё равно её с петель своротил.

— Это я, — пропищал из норы Суслик. — Ты что?

— Что-что, — пробурчал Хома, из темноты возвращаясь. — Чего пугаешь? Чего тебе?

— Я просто хотел узнать, что дальше?

— Что «что дальше»?! — вскипел Хома.

— Чем страшная история кончилась? — сказал Суслик. — А то никак заснуть не могу.

— Ничем не кончилась! — разозлился Хома. — Ничего с твоим Сусликом не случилось! Походил он по полю, походил, никого не встретил, домой вернулся! И спать лёг! Повезло ему, понял?

Выдернул Хома из головы седой волосок, выгнал Суслика вон из норы. И заперся на крючок.

А ещё дверь изнутри двумя большими гвоздями забил. Чтоб Суслик по ночам не шлялся и зря не пугал.

Рассказывай ему после этого страшные истории!..

Хорошо ещё, что не подслушивали ни шакалы там, хоть их пока нет, ни филины, ни ястребы, которые не дремлют.

Они когти точили. Им было некогда.

КАК ХОМА И СУСЛИК В ВОДУ ГЛЯДЕЛИ

Сидели как-то на берегу ручья Хома и Суслик. Возле Дальней рощи.

Они там часто сидели, им там нравилось. Сидели и на воду смотрели. На свои отражения. А отражения на них из воды смотрели. На Хому и Суслика.

— Вода ведь уплывает? — вдруг сказал Суслик.

— Уплывает, — сказал Хома.

— И новая приплывает? — сказал Суслик.

— Ага, — сказал Хома. — И так всё время.

— Чего ж она всё не уплывёт?

— А её много, — сказал Хома.

Подумал-подумал Суслик и лапу Хоме пожал.

— Спасибо, Хома.

И снова на своё отражение уставился.

— А почему же моё отражение не уплывает? — спросил Суслик.

— Уплывает, — ответил Хома. — Не веришь?

— Проверим, — нахмурился Суслик. И вверх по ручью ушёл.

— Плывёт? — крикнул Суслик.

— Пока нет, — отозвался Хома.

Подождали немного.

— Плывёт? — крикнул Суслик.

— Нет, — отозвался Хома. — А ты в воду смотришь?

— Смотрю, — обиделся Суслик.

— Значит, оно ещё в пути. Снова подождали.

— Плывёт? — сердито крикнул Суслик.

— Нет, — забеспокоился Хома. — Может, оно где-то по пути застряло?

— Нигде не застряло! Оно и не плыло даже! — вернулся Суслик. — Вечно ты меня обманываешь!

— Так вот же оно, — обрадовался Хома, указывая лапой на воду. — Приплыло!

И точно, рядом с отражением Хомы — отражение Суслика на воде.

Посмотрел недоверчиво Суслик, даже носом к ручью склонился — вроде оно.

— Хм, — удивился Суслик. — Похоже на моё.

— Ещё б не твоё, — буркнул Хома. — Ты у нас один такой страшный.

— Значит, это не я, — сказал Суслик.

— А рост? — сказал Хома. — У тебя рост выше моего. И у отражения твоего выше.

— Тогда это я, — признался Суслик и хихикнул. — Я тебя раскусил. И ничуть оно не приплыло. Оно здесь оставалось и никуда не плавало.

— Отойди от берега! — рассвирепел Хома. Суслик побурчал, побурчал, но отошёл.

— Нет твоего отражения! — воскликнул Хома.

— Есть, — упрямился Суслик. — Просто я его отсюда не вижу!

— Нету, — настаивал Хома. — Не-ту! Сам посмотри.

— И посмотрю. И посмотрел.

— Есть! — вскричал Суслик. — Вот оно!

Хома так и ахнул.

— Странно… Раньше не было. Ну, честное слово!

— Было! — настаивал Суслик.

— Конечно, не было, — догадался Хома. — Это новое отражение. А старое вниз по течению уплыло. Не веришь — сбегай и проверь.

— Сбегаю, — пропыхтел Суслик. — Проверю. И побежал проверять. Долго ждал его Хома. Целый месяц. Пришёл наконец Суслик. Еле ноги приволок.

— Ну? — грозно спросил Хома. — Убедился?

— Убедился, — задыхаясь, сказал Суслик. — Ой, замучился… Я его сразу за поворотом догнал. Посмотрел в воду — оно. Побежал дальше — опять оно. Ещё дальше — снова опять! Знаешь, Хома, сколько их? Не сосчитать!.. До самой реки добежал, куда ручей впадает, —

везде мои, а твоих нет! — выпалил он. — Ты только не огорчайся. Просто мои плавучей. А твои, наверно, потонули!

— Или ты смотрел плохо, только сам на себя любовался, — строго заметил Хома, — или мои все твои обогнали. Раз мои отражения меньше, значит, они легче. А раз они легче, значит, их уносит быстрее!

С этого дня Суслик и Хома каждый день прибегали в ручей заглянуть. Поглядят, отвернутся и снова посмотрят на свои отражения — пусть себе уплывают вниз по ручью.

И так приятно им было знать, что плывут их отражения, бесконечной цепочкой, через всю большую страну: сначала по ручью, затем по реке, потом по морю.

Плывут себе, волосок к волоску вылизан, лапы гордо на груди сложены, рты до ушей улыбаются.

А все любуются на них и весело кричат:

— Привет Хоме и Суслику!

Перелётные птицы кричат, мальчишки-рыболовы и далёкие китобои в открытом океане.

КАК ХОМА И СУСЛИК ПОСЛЕДНЕЕ ПОДЕЛИЛИ

Наступила зима. Снегу! Земли не видно, снег на снег падает. Белый и такой холодный, что, когда бежишь друг к другу в гости, лапы обжигает.

Кончились у Хомы и Суслика запасы. Спать надо — зима. А на голодный желудок не спится.

— Я такой толстенький был, — заныл Хома. — А теперь от голода таким, как ты, Суслик, тощим стану! Скоро.

— А каким же я тогда буду? — беспокойно задумался Суслик.

— А тебя, значит, вообще не будет, — пожалел его Хома.

— Нет, буду! — упрямо сказал Суслик. — Я нас в такое место отведу! Живи — не хочу! За сто лет не съешь!

— За меня не бойся, — повеселел Хома. — Съем! Пошли.

И они пошли…

Вдали, на краю деревни, сарай-амбар замаячил. Подошли вплотную, он полнеба закрыл. Высокий! Тридцать сусликов одного на другого поставить — вот какой высокий!

— Что это? — тихо спросил Хома, озираясь.

— Хранилище. Кладовочка такая. — Суслик с уважением похлопал лапой по стене. — Мне воробьи рассказывали: там гороха полным-полно! Давай дверь искать. Ты — в обход направо, а я — налево в обход!

Пробирается Суслик по снегу и вдруг слышит — позади шаги чьи-то. Оглянулся в испуге, а это Хома!

— Ты чего за мной идёшь?

— Хитрый какой, — прищурился Хома. — Сам меня направо послал — там снег по колено. А тут за тобой тропинка тянется.

Посмотрел Суслик: правда. За ним следы остались, а Хома в эти следы наступает.

Поморгал Суслик, поморгал. И дальше затопал. Шёл и оглядывался: идёшь, а за тобой следы остаются — удивительно!

— Ну, кто прав? — бубнил позади Хома.

— Ну, ты, — нехотя ответил Суслик. — Чего привязался?

— Я к тебе не привязывался. Нечем, — пыхтел Хома, погружая лапы в следы Суслика. — А надо бы. Ветер. — Подумал и добавил: — Шатает.

Наконец они на дверь наткнулись. И в щель под ней пролезли. Только и смогли сказать: «А-ах!»

Из крохотного оконца под потолком свет льётся — кругом сушёный горох на огромной подстилке лежит. Столько насыпано — до крыши носом подать!

— Я отсюда не уйду, — взобрался на кучу гороха Хома, — пока сам собой до пола не опущусь.

— Как — до пола?

— Ну, пока всё не съем, — ответил Хома. — Так и буду опускаться. Постепенно.

— И я, — поддакнул Суслик. — Постепенно.

Какая для них жизнь наступила! Не жизнь — объеденье! Объедались…

— Чего молчишь? — усмехался Суслик.

— Рот занят, — довольно мычал Хома.

Они до того обленились, что вскоре и разговаривать перестали. А зачем разговаривать, если можно лишнее съесть?

Потом и двигаться перестали. А зачем двигаться, если еды полно, даже лапу лень протянуть?

Лень не лень, а протягивали: есть-то надо. Лень, а надо.

Протянул однажды Суслик лапу и взял горстку горошин у Хомы под боком.

— Ты чего у меня берёшь? — рассердился Хома. И зачерпнул ладошкой прямо под носом Суслика.

— Ты вон как?! — вскочил Суслик. — Давай всё делить!

Вначале по горошине делили и около себя сыпали. Надоело. Потом — по пригоршне.

— У тебя лапа больше, — спохватился Хома. — Вон какая загребущая! Давай, ты одной лапой, а я двумя?

— Ишь ты! — не согласился Суслик. — Умный, да? Промерили они кучу шагами. И прокопали

посредине в горохе границу-канавку, от стены до стены.

По ночам теперь Хома и Суслик не спали. Тайком в темноте на чужую половину бегали. Горох к себе таскали. Уж и есть-то некогда было. Голодали. Старались побольше унести.

А днём тоже не спали. Друг на друга смотрели: как бы кто у кого горошинку не взял. Стерегли.

Глаза слипаются, слипаются… Ущипнут сами себя за бок, чтобы не заснуть, и снова следят.

А как-то раз ночью возвращались каждый к себе с добычей — лбами столкнулись. Сцепились. Шерсть клочьями полетела. Покатились. Треск, звон, грохот!..

Когда они очнулись в сугробе и взглянули высоко вверх, где разбитое оконце виднелось, Хома проворчал:

— Я больше туда не вернусь.

— И я не вернусь, — простонал Суслик.

И они дружно зашагали домой. Ушёл каждый молча в свою нору.

Есть захотелось… Пошарил, пошарил Хома на полке. Вдруг случайно горошину нашёл. Одну-единственную.

Посмотрел на неё… В лапе зажал. И к Суслику. Разломил горошину пополам — другу дал.

КАК ХОМА ЗИМОЙ КУПАЛСЯ

Шумит, метёт зима, сон нагоняет.

Забежал Суслик к Хоме в гости. Напоследок, перед спячкой. Спокойной зимы пожелать.

Сидели. Зевали.

— Как сейчас заляжем, — деловито произнёс Суслик.

Но Хома вдруг решил: не спать!

— Ведь жизнь — одна. — заявил он Суслику. — А мы полжизни спим. Не буду спать, значит, две жизни проживу. Одну свою и одну твою, пока ты спать будешь!

— Мою не надо, — заволновался Суслик. — У меня и так-то жизни почти нет, раз я спать люблю.

— Давай не спать вместе. — великодушно предложил Хома.

— Знал бы ты, как я спать умею, — обиделся Суслик. — Куда тебе до меня!

— Это мне-то! А кто позапрошлой зимой больше тебя на два дня проспал?

— Вспомнил! — усмехнулся Суслик. — А в прошлом году? Ты меня целый месяц не мог разбудить, когда я не спал и притворялся.

— Притворялся! А я, умный такой, целый месяц тебя будил?

— Ага, — хихикнул довольный Суслик, — ты такой умный.

И повертел лапой у Хоминого виска.

— Лапы прочь! — рассердился Хома. — Спи, как хочешь, а я зато вас всех переживу!

— Уговорил. Будем всех переживать вместе! А как?

— Нужно бодрым быть, — приосанился Хома. — Тогда спать не захочется. Будем в проруби купаться.

— А не замёрзнем? — испугался Суслик.

— То-то и оно, замёрзнем! — ликовал Хома. — Разок в ручье окунуться, неделю в норе дрожать! Нипочём не уснуть! Отогреешься и…

— И спать, да? — радостно перебил его Суслик.

— Нет, снова в прорубь. И опять неделю дрожать! Здорово, да?

— Тебе, Хома, лечиться надо, — серьёзно заметил Суслик.

— А, — отмахнулся Хома, — Лечиться в будущем будем, когда воспаление лёгких схватим. Вместе! Ради долгой жизни мне ничего не жаль, даже твоего здоровья.

— А твоего? — насупился Суслик.

Хома внимательно посмотрел на него.

— И моего, — соврал Хома.

— А вдруг не заболеем? — с надеждой спросил Суслик.

— Заболеем, — заверил его Хома. — А больные, сам знаешь, плохо спят.

— Согласен, но… — предупредил Суслик — Ты сам по себе, а я в прорубь сначала кипяточку из чайника плесну, а уж потом кинусь.

— Это нечестно, — задумался Хома — Я, значит, в ледяной воде плавай, а ты — как в парном молоке купайся?

— А у тебя чайника нет! — нашёлся Суслик.

— Ну, пусть, ладно, — проворчал Хома и поднял на плечо ломик, похожий на обыкновенный гвоздь.

А Суслик за чайником побежал.

Долго они лунку долбили. Строго по очереди. Сначала Хома, потом Суслик, снова Суслик, и опять Хома. Сколько раз Суслик домой бегал: остывшую воду в чайнике разогревать!

Пробили, наконец, лунку. Свершилось.

— Чур, ты первый, — поспешно сказал Хома.

— Почему? — вздрогнул Суслик.

— Ты с чайником.

— А-а, хочешь после меня в нагретой водичке поплескаться? — догадался Суслик. — Пожалуйста!

Он щедро вылил кипяток из чайника в прорубь и прыгнул.

— Ой-ёй-ёй! — с душераздирающим криком он выпрыгнул из проруби и зигзагами понёсся домой.

— Во! — изумился Хома. — Как ошпаренный! Нет, глупых нету, чтобы сразу лезть.

Он подождал, ещё подождал, и снова подождал, чтобы вода в проруби хоть немного остыла. И нырнул!

— Ой-ёй-ёй! — выскочил он ещё быстрее Суслика и резво понёсся к норе. — Горю!

И на ходу с ужасом присматривался к своей шубке — от неё клубами валил пар.

Всю зиму не разговаривали Хома и лучший друг Суслик. Спали.

А когда весна разбудила их, Хома сердито сказал дружку, ощипывая себя:

— Ты меня в своём кипяточке чуть не сварил. Смотри — линяю. Чтоб и тебе повылазило!

КАК ХОМА И СУСЛИК ДРУГ ДРУГУ ПЕЛИ

Наступила весна, проложила в снегу ручейки.

Затем ни снега не стало, ни ручейков. Это пришло лето. Самое любимое время Хомы и Суслика.

Летом птицы весело поют. Летом можно бегать, где угодно, в догонялки играть, в прятки. И дни летом — длинные, можно подолгу домой не возвращаться.

Пришёл Хома к Суслику.

Суслик на пригорке у своей норы стоит и куда-то смотрит. Весь какой-то внимательный.

Встал Хома на цыпочки и тоже смотрит. Туда, куда Суслик смотрит.

Плывёт по ручью лодка. С мальчишками. Из лодки музыка доносится. Красивая. Как птичье пение.

— Они что, соловьём чирикать умеют? — спросил Суслик.

— Это не они. Это антенна поёт, — ответил Хома.

— Какая… тенна? — поразился Суслик.

— А вон та. Видишь, между мальчишками торчит? Блестящая проволочка. Когда тебя ещё на свете не было, — похвастался Хома, — я однажды у реки ночевал. И рыболов рядом в стогу ночевал. Он такую же проволочку сквозь стог просунул, а она запела и заиграла.

— Пошли искать, — воскликнул Суслик, — проволочку!

— А знаешь, ты тоже умный, — неожиданно признал Хома. — Слушать будем, как она поёт.

Искали. Нашли. Длинную такую, блестящую. Красота!

В землю проволочку воткнули. Сидят, слушают. Не поёт.

Весь день, до вечера, сидели. А она не поёт.

Свистнул мрачно Суслик и ушёл спать. А Хома остался и думал всю ночь.

— Понял! — ворвался он утром к Суслику. — Это не такая проволочка!

— А что с «нетакой» делать? — зевнул Суслик.

— Вот что! — и Хома начал привязывать проволочку к его хвосту.

— Отпусти хвост! — завизжал Суслик. — К своему привязывай!

— А я к своему уже привязал, — важно заявил Хома. — Ухожу я к себе, а ты здесь оставайся. Дёрну за проволочку, прибегай ко мне в нору, пой-чирикай.

— А если я дёрну? — изумился Суслик.

— Тогда я к тебе прибегу петь!

— Ну, пой, раз ты уже здесь — великодушно разрешил Суслик.

Засвистел, зачирикал Хома. Почти как знакомый Соловей.

Устал, домой убежал. Дёрнул за проволочку.

Суслик прибежал. Зачирикал, засвистел Суслик. Почти как знакомый Жаворонок.

Замечательно!

Да перед самой осенью несчастье чуть не случилось. Захотели одновременно Хома и Суслик друг друга увидеть и послушать.

Дёрнули разом проволочку, чуть хвосты друг другу не оторвали!

Пришлось отвязаться и отказаться.

— Да и голос у тебя, Хома, извини, ужасный, — заметил Суслик.

— А тебе Слон на ухо наступил!

— Не наступал. Он тут не водится, — насупился Суслик. — Просто я от рождения петь не умею.

— И я, — признался Хома.

И порешили они больше сами не петь, а птиц слушать. Насыпят зёрен возле своих норок — стайками птицы слетаются и громко поют.

А Хома и Суслик слушают.

И на душе прекрасно. И за хвосты спокойно.

А когда осенью птицы в южные страны улетали, полились с вышины прощальные песни:

«До свидания, Хома!.. До свидания, Суслик!..»

КАК ХОМА И СУСЛИК В ГОСТИ ХОДИЛИ

Явился однажды Хома к Суслику.

— Угощай, — говорит, — гостя.

— Какой же ты гость? — Суслик поскорей занавеску на полках с припасами задёрнул. — Ты свой.

— Ну, если свой, — отдёрнул занавеску Хома, — я у тебя поживу немного.

— Почему у меня? — встревожился Суслик.

— Дома забот много, — и Хома горстку семечек себе в рот кинул. — А еды мало.

— И у меня — мало, — жалобно сказал Суслик. — Жалко…

— Так у тебя же еда — не моя, значит — чужая. Не жалко, — разъяснил Хома. — И убирать мне теперь в норе не надо. Она тоже чужая. Верно?

— Верно, — озадачился Суслик.

— Ещё бы! — Хома набил полный рот семечками и - фрр! — шелуху на пол. — Тебе что, обидно — друг у тебя поживёт, пока не надоест?

— Пока не надо есть? — живо переспросил Суслик.

— Надо есть, — твердил Хома. — А поживу я у тебя, пока мне не надоест.

— Ладно, — шмыгнул носом Суслик. — А я у тебя поживу, а то здесь вдвоём тесно.

— А знаешь, ты прав: очень удобно друг у друга жить! Ты у меня поживёшь день-другой, я — у тебя. И припасов не жаль, и убирать в норе не нужно.

Решено, сделано!

Ушёл Суслик к Хоме в нору, а Хома тут остался.

Пожил Хома день, всё съел, намусорил, и к себе вернулся.

А Суслик тоже всё у Хомы съел подчистую. И шелухи в норе — на трёх сусликах не вывезешь!

Увидел он Хому, обрадовался:

— Вкусненькое принёс?

— Откуда? Там у тебя больше нет ничего!

— Как — нет? — вскипел Суслик. — Это у тебя теперь нет ничего. А у меня — ого-го! — сколько всего было.

— Не ого-го, а охо-хо, — пробурчал Хома, — после того, как я у тебя побывал. — И грустно свои пустые полки оглядел — Ничего ты мне не оставил…

— А ты? — возмутился Суслик. — А ну, пошли ко мне.

Пришли. Пуста кладовочка у Суслика. А мусору!..

— Давай я у тебя уберу, — пожалел Хома друга.

— Зачем убирать, — отмахнулся Суслик, — тогда и мне у тебя убирать придётся.

— Ну и ну, — вздохнул Хома. — Зато хоть денёк да отдохнули.

Вышли из норы. Навстречу семенит Заяц-толстун. Обрадовался:

— А я к вам в гости! Как живёте-поживаете?

— Живём хорошо, — ответил Хома. — доживаем плохо. Сам посмотри.

Заглянул Заяц-толстун в нору. Ужаснулся! И домой убежал. Пошли тогда Хома и Суслик к нему. Вроде бы тоже в гости.

Вот и нора, в дверцу постучали. Громко, как два дятла-стукача.

— Кто там? — раздался незнакомый голос.

— Мы… там, — растерялся Хома.

И вдруг к ним какая-то незнакомая Зайчиха вышла. Толстая, рослая. А уши!

— Вам чего? — раскричалась она. — Чего вам?

— Ничего… нам, — оторопели они. — А вы кто?

— Я Зайцева тётка, я к нему в гости пришла, из школьного «живого уголка» убежала!

Глянули Хома и Суслик в оконце. Зайца в углу увидели — большую очищенную морковку грызёт. А ведь раньше прямо со шкуркой ел.

— Умён Заяц! — прошептал Хоме Суслик — Тётка его кормит. А чистота какая! Немыслимая!

— Позовите Зайца, пожалуйста, — попросил Хома Зайчиху.

Она сердито ушами тряхнула и в норе скрылась. Шторой оконце задёрнула и вновь выскочила:

— Нет его! — И дверцей за собой хлопнула.

— Да-а… Повезло Зайцу, — сказал Хома.

— А ты свою тётку вызови, — посоветовал Суслик. — Она ж у тебя близко, за рощей живёт. И готовить будет, и в норе убирать.

— И у тебя тётка есть, двоюродная, — вспомнил Хома. — Тоже уберёт в твоей норе.

— Из моей она прежде всего тебя уберёт, — посочувствовал ему Суслик.

— Почему меня? — опешил Хома. — Почему не тебя, неряху?

— А я ей двоюродный неряха.

— Но я ведь тебе тоже не чужой!

— Для неё любой мой друг — чужой, — проворчал Суслик. — Вот придёшь ты ко мне в гости, она и скажет, что меня дома нет. Давно!

— Где ж ты?.. — оторопел Хома.

— Как — где? Дома, конечно. Где ж ещё!

— Понял, — сообразил Хома. — Ты дома, но она обманет.

— Запросто, — сокрушался Суслик. — А приду я к тебе, твоя тётка выйдет: «Вам чего?» — закричит. Только меня и видели!

— Хитёр, — оскорбился Хома. — Я тебя всегда видеть хочу. Сам свою тётку вызывай!

— Нет! — горячо отказался Суслик. — Не дождётся она этого!

— А моя — и подавно! — рассердился Хома. — И не проси!

И стали они жить по-прежнему. На других не надеялись, всё сами делали: готовили, убирали. Без тёток. Ну их!

Но самое интересное: Заяц-толстун пожил-пожил, без друзей, и назад свою тётку — домой, в школьный «живой уголок», — отправил. Еле уговорил. Ей, мол, там веселее!

Тоже мудрый он, Заяц. Хоть и толстун.

Плохо жить без друзей.

КАК ХОМА КОТА ВСТРЕТИЛ

Ворвался Хома в нору к Суслику.

— Беда! В роще объявился Кот-т-т! — застучал зубами Хома.

— Кот-т-т! Домашний? — испугался Суслик.

— Кот! Бездомный! И очень дикий!

— А что он делает? — юркнул под кровать Суслик.

— А он ничего не делает. Он мышей ловит.

— Ах, мышей? — вылез Суслик. — А как он выглядит?

— Такой, знаешь… — растерялся Хома. — Ну, рожа круглая и усы.

— Такой красивый? — удивился Суслик. — Такой красивой наружности!

— Вот ты можешь вскоре увидеть его изнутри, — рассердился Хома, — а не только снаружи!

— А разве он меня ест? — снова глухо спросил Суслик, опять из-под кровати.

— Ест, ест, — заверил Хома.

— Я ж не мышь, — задрожал Суслик. И кровать задрожала.

— Это я знаю, что ты не мышь. А он не знает.

— Ты так считаешь? — забеспокоился Суслик.

— Это не я так считаю, — сказал Хома. — Это, наверно, так Кот считает.

За оконцем ночь наступила. Стало темно, так темно, как тёмной ночью под тёмным одеялом. Две звезды зажглись. Зелёные, яркие. Ну, прямо живые — так и мигают. Почему только две? Вероятно, потому, что больше в Сусликово оконце не вмещалось.

Заспешил Хома домой. Не успел и двух шагов пройти, схватил его кто-то лапой за шиворот.

И прямо перед Хомой два глаза горят — Кот домашний, бездомный. Ходит, высматривает, в окна подглядывает.

— Знаешь, кто я? Кот! — облизнулся Кот жарким языком.

— Не верю! — затрясся Хома.

— Вот когда съем, поверишь! — пообещал Кот.

— Да как же я потом поверю, — пропищал Хома, — если ты меня сначала это… съешь?

— Ага… — озадачился Кот. — И что же с тобой делать?

— А то! Надо, чтобы я сначала поверил, а потом это… съешь.

— Ах, так!! — Тут терпение у Кота лопнуло. Притащил он Хому в рощу и бросил в глубокое дупло: — Сиди там, пока не поверишь!

Долго Хома в дупле просидел. Никак не выбраться.

Хорошо, что в защёчных «кладовочках» он несколько семечек про запас носил.

Жить кое-как можно.

Пришёл однажды Кот, просунул в дупло голову и вопит:

— Ну, а теперь-то веришь, что я Кот?

— Не верю, — отвечает Хома. — Ты такой сильный…

— Что? — взвыл Кот. И жёлудем в Хому запустил. — Насмехаешься?

— Все знают, что сильнее кошки зверя нет. И коварнее тоже! Ты должен это вспомнить, если ты Кот.

— Вспомнил! — поспешно согласился Кот.

— … Такой сильный, но такой благородный, — продолжил Хома, — и поэтому не поверишь, что ты Кот!

— Я Кот! Кот! Такой сильный, но такой благородный Кот!.. Ладно, можешь не верить, — вдруг смягчился Кот — Так и быть, ты лишь одно кричи — всю правду обо мне кричи! Пусть все слышат!

— Из дупла не слышно. Сам о себе кричи, — отказался Хома.

— Мне самому неудобно, — признался Кот. — Не поверят.

Оказалось, Кот был не только домашним, бездомным, но и свалочным. Нашёл он где-то на свалке шнурок и лейку-воронку. Вытащил Хому из дупла, привязал к своей лапе шнурком, дал лейку-воронку.

— Будешь со мной ходить и орать, как в рупор, какой я замечательный! — приказал Кот.

Пришлось Хоме с упрямым, вздорным Котом ходить.

Кот шаг сделает, Хома — пять. Семенит сбоку и вопит в лейку-воронку:

— Идёт такой сильный, но такой благородный…

— Кот! — подхватывает Кот, потому что Хома ему не верит, что он Кот.

Они так громко его прославляли, что все мыши сразу разбегались, ещё издали услышав, что Кот идёт. Хома старался погромче орать!..

Но ведь одной славой сыт не будешь.

Оголодал Кот, жадным глазом на Хому косил. А сам до того отощал, лапы стали, как прутики.

Вот и соскользнула у него как-то с лапы петелька шнурка. Хома — бежать!

Не смог догнать его Кот, такой сильный, но такой ослабевший.

Прибежал Хома к Суслику. А Суслик на песчаном полу норы что-то обгоревшей спичкой рисует.

— Он меня спасать должен! А он рисует! — раскричался Хома.

— А я что делаю? — оскорбился Суслик. — Знаю про всё, слышал тебя! Я ведь план твоего спасенья рисую. Восьмой! А вон седьмой план, шестой, пятый… Осторожно, не наступи на четвёртый! Глянь на последний рисунок — это подкоп, ты сквозь него из дупла вылезешь! Скоро вырою!

Он достал из угла норы детский совочек и заботливо потёр песком:

— Ржавый нашёл. А видишь, блестит: каждый день точу, ночами не сплю!

— Извини меня, неблагодарного. Одичал я в дупле, — растрогался Хома. — Ты настоящий друг, Суслик!

КАК ХОМА ЗВЁЗДЫ СПАСАЛ

Нашёл Суслик детское ведёрко. Где нашёл, не говорил.

Детям ведёрко — забава. Суслику ведро — вещь. Большое ведро, удобное. Хочешь, пей из него. Хочешь, припасы храни. Повернул вверх дном — стол. Ударил кулачком по дну — барабан. И всех, кого попало, ну, кто попадётся, ловить ведром можно. Кузнечиков, бабочек. Хомяков тоже можно. А что?

Вот притопал как-то Хома к норе Суслика. Кричит:

— Ты дома?

— Заходи, не бойся, — откликнулся из норы Суслик.

После таких слов Хома войти побоялся.

— А чего бояться-то? — спрашивает. На всякий случай.

— Ну… — видать, задумался в норе Суслик. — Вдруг я тебя поймаю. Весело будет!

— Кому? — поинтересовался Хома.

— Тебе, — убеждал Суслик. — Обхохочешься!

Поверил Хома, вошёл.

А Суслик обманул. Это ему стало весело, когда он на Хому ведро с лязгом надел. Так хохотал, что у Хомы в ушах звенело.

Ладно. Снял ведро Хома.

— Давай теперь в прятки играть, — хмуро сказал он.

— А прятаться где? — весело спросил Суслик. — У меня нора маленькая.

— Под ведро спрячься.

Только спрятался Суслик, как Хома тут же на днище ведра сел.

Целый час Суслика не выпускал — хохотал. Тоже поймал!

А Суслик глухо бубнил изнутри:

— Нечестно… Своим ведром лови!

Выпустил его Хома:

— Правда, обхохочешься?

— А ты проверь, — обиженно посоветовал Суслик, — Теперь я водить буду.

— Пожалуйста, — согласился Хома. — Только зажмурься покрепче. Не подглядывай, как я под ведром спрячусь.

Зажмурился Суслик, а Хома мигом из норы вылез. И ушёл по своим делам.

Заглянул он к Суслику лишь вечером.

А тот на том же перевернутом ведре сидит. Довольный, голову набок наклоняет, прислушивается:

— Чего притих? Ну как, весело? То-то!

Увидал Хому, раскричался:

— Я из-за тебя весь день голодный сижу, а ты вон как в прятки играешь!

Смешной он, Суслик. Не соскучишься.

С этим злосчастным ведром ему прямо-таки покоя нет.

— Давай, Хома, туда твои и мои припасы сложим. У меня в ведре сохранней будет! — вдруг предложил он.

— Ага, — отказался Хома, — Если у тебя будет, значит, у меня не будет.

— А ведро чьё? — опять разобиделся Суслик. — Да ты мне за храненье твоих припасов по пять стручков каждый день носить должен^ Больших стручков, — подчеркнул он. — А тебе даром предлагают! Не хочешь, не надо. Я уж сам найду, чем ведро заполнить!

Схватил ведро и вылез из норы.

А уже и стемнело…

Идёт Суслик, ведром размахивает, смотрит вокруг: чего бы такого ухватить.

— Неужели ничего не найду? — бурчит он.

Хома за ним семенит. Интересно всё же. Вдруг повезёт — с таким-то ведром!

Подходят к ручью. Глянул в воду Суслик. И замер.

— Вот они, — прошептал он. — Гляди, сколько!

— Рыбы? — вытянул шею Хома.

— Звёзды…

Стаи звёзд горели в воде, мигали, переливались.

— Я их полное ведро нахватаю. Станет у меня в норе светло, как на пожаре!

Жалко стало Хоме звёзд. Ведь почему их днём в ручье не видно? Днём они осторожные, прячутся. А ночью, когда все нормальные суслики спят, плавают себе безбоязненно. Звёзды, они разные бывают: одни — небесные, другие - водяные. Всем известно.

Хома нарочно на сухую ветку с треском наступил, чтобы их спугнуть.

А они, доверчивые, стоят у берега. Ни с места.

— Тс-с… — прошипел Суслик.

И затем зачерпнул своим загребущим ведром добрую сотню звёзд вместе с водой.

— Отпусти! — вскричал Хома и кинулся на лучшего Друга.

Опрокинул ведро, звёзды спас. Они вместе с водой в ручей убежали. А тут ещё облака небо закрыли, совсем темно стало. Исчезли звёзды в ryjibe. Наверно, подальше, за камыш, уплыли.

И думаете, после этого образумился Суслик?

Следующей же ночью вновь отправился — украдкой! — за звёздами.

Но Хома его подкараулил.

Только Суслик зачерпнул ведром из ручья, как Хома крикнул. Зычно, как пограничник:

— Стой!

Резво заспешил Суслик с ведром домой, хоть и кряхтел от тяжести.

Еле догнал его Хома.

— Ох, это ты? — опомнился Суслик.

— Я же тебе кричал: «Стой!».

— Когда мне кричат «Стой!», я почему-то всегда бегу, — признался Суслик.

Отнял у него Хома ведро, отнёс назад и выплеснул воду со звёздами обратно в ручей.

И так приятно ему было смотреть на плавающие звёзды и знать, что среди них и те, которые он освободил!

— Да я их случайно поймал. Я просто хотел домой воды принести, — хитрил Суслик.

— А воду носи, когда светло. Тогда звёзды пугливей, случайно не попадутся. Хитрый какой!

И сколько потом ни ходил по ночам упрямый Суслик тайком за звёздами, ни разу не мог утром добычей похвастаться.

А Хома лежал себе в норе и посмеивался.

Уж он-то знал, в чём тут дело. Перед каждым походом Суслика он большие камни в ручей бросал. Звёзды распугивал.

Теперь попробуй поймай!

И с неба Суслик звёзд не хватал. Высоко очень. Надо на дерево лезть.

С ведром не залезешь.

КАК ХОМА И СУСЛИК ВАЖНЫМИ СТАЛИ

Тяжелая пора для Хомы и Суслика настала.

Мало им, что ли, своих местных хищников: Совы лупоглазой, Филина-полуночника, коварной Лисы, — так в Ближней роще ни с того ни с сего проворный Волк поселился!

Мало им, что ли, Волка, — ещё и горбатый Медведь туда прикосолапил и берлогу там себе сделал!

Хоть совсем не ходи через рощу. А как же тут не ходить, если за Ближней рощей на Дальнем поле вкусные стручки растут. Гороховые.

— У меня одно желание — поесть, — вздыхал Хома.

Тогда это не желание, а жевание, — сказал Суслик. — Я и сам давно пожевать хочу, а идти за стручками боюсь. Что делать? — расстраивался он.

— Как — что? Надо важным стать! — вдруг заявил Хома.

— А как им стать? — спросил Суслик.

— Вот как! — Встал Хома на задние лапы. Развернул плечи. Живот вперёд. И щёки надул.

— Ох, и важный же ты, — попятился Суслик.

— Понял? — заважничал Хома. — Учись.

Начали. Учились на задних лапах шагать, животом вперёд, и щёки надувать.

Научились.

— Ну, теперь-то мы важные, это ясно. А как нам это поможет? — спохватился Суслик.

— Ещё как! Все подумают: раз ты важный, значит, никого не боишься. А раз никого не боишься, значит, за тобой кто-то очень сильный стоит! — сказал Хома.

Они в норе у Хомы сидели. Обернулся Суслик:

— За мной никто не стоит. За мной стена. — Подумал и уточнил: — Стена твоей норы.

Хома встал на цыпочки и важно постучал его лапой по лбу:

— Думать надо. Это поговорка такая: «За тобой кто-то стоит». Понимаешь, кто-то очень сильный—за тебя. Он тебя в обиду не даст.

— Не даст, — закивал Суслик. — А кто меня в обиду не даст?

— Да не кто, а вроде бы кто! Вроде бы кто-то за тебя заступится! — вскипел Хома.

— А он, правда, заступится?

Хотел ему Хома снова всё объяснить, да только лапой махнул:

— Ну тебя! Твоё дело важным быть. Главное, побольше свои щёки пузатые надувай. Для надувательства, — пояснил он. — А если что спросят, загадочно отвечай: вслед за мной: «Знаем». И больше ничего. Ясно?

— Знаем, — надул щёки Суслик.

— Чего? — оторопел Хома.

— Знаем, — напыжился Суслик.

— А-а… — растерянно пробормотал Хома и вдруг засиял. — Тренируешься? Молодец!

Пошли они в рощу.

Встретилась им Лиса. И сразу увидела: тут что-то не так.

Неспроста они так вышагивают на задних лапах, животом вперёд, и щёки надувают.

— Что это вы такие важные? — насторожилась Лиса.

— Знаем, — важно сказал Хома.

— Знаем, — важно сказал Суслик.

— Знаем-зиаем, — важно сказали Хома и Суслик.

Перепугалась Лиса. Помчалась к Волку.

Волк галок ловил. Бегал и прыгал. Но поймать не мог. Крылья у галок. Летают.

— Эй, вы, Серый! — почтительно обратилась Лиса. — Это не вы за них?

— За кого — за них? — прорычал Волк.

— За Хому и Суслика. У них такой вид, словно сам Волк за них! Так мне показалось, — заюлила хвостом Лиса.

— Ну, я им покажу-у! — завыл Волк. — Где они?

Встретили Хома и Суслик Волка. Как увидел он их, так сразу и струсил.

Не может быть! Идут на задних лапах, животом вперёд, и щёки надувают. Неспроста.

— Это что вы такие… важные? — с опаской спросил Волк.

— Знаем, — важно сказал Хома.

— Знаем, — важно сказал Суслик.

— Знаем-знаем, — важно сказали Хома и Суслик.

Задрожал Волк и бегом к Медведю.

Медведь от скуки ворон в небе считал и когти на лапе загибал:

— Раз, два, три. Раз, два, три. — Дальше он считать не умел.

— Эй, вы, Горбатый! — почтительно обратился к нему Волк. — Это не вы за них?

— За кого — за них? — грохнул зубами Медведь.

— За Хому и Суслика. У них такой вид, словно сам Медведь за них! Мне так показалось, — завилял хвостом Волк.

— Я им покажу! — гаркнул Медведь. — Раз-оррву! Два - пор-рву! Три-поррву!

Весело возвращались Хома и Суслик с Дальнего поля. Стручки несли. Да и за щеками не пусто было.

А навстречу Медведь. Как увидел их, так и сел.

Какие! На задних лапах, животом вперёд, щёки надуты!

— Вы… чего это важные такие? — прохрипел он.

— Знаем, — важно сказал Хома.

— Зна… — важно начал Суслик.

— Чего — знаем? — вскинулся Медведь. — Кто за вас, признавайтесь? — проревел он. — Кто за вами стоит?

У Суслика со страху даже горошины за щеками застучали.

Забыл с перепугу Суслик и Хомин совет, и всё на свете. Оглянулся, а там вдали, на поле, люди стоят: вроде бы охотники с ружьями. Вот Суслик и брякнул:

— Вроде бы охотники с ружьями… стоят.

Только Медведя и видели. Был и нету. Сломя голову бросился прочь. Голову-то он не сломал, но столько деревьев на пути повалил, что в роще просека появилась.

Вслед за Медведем Волк удрал. За Волком — Лиса. Бежала и кричала:

— Не бросайте меня одну, Рыжую!

— Ох, и умён же ты! — восхищённо сказал Суслик оторопевшему Хоме. — Что ж ты раньше мне толком не объяснил, что за нами не кто-нибудь вроде бы, а взаправду ОХОТНИКИ стоят! А они нас не тронут? — внезапно забеспокоился он.

— Да нет. Мои знакомые, видел их как-то… издали, — замялся Хома. — Но всё-таки давай-ка лучше по домам, а то вдруг они меня позабыли.

И уже без всякой важности Хома и Суслик быстренько по норам разбежались.

КАК ХОМА СВОЮ НОРУ ИСКАЛ

Обидно стало Хоме, что у него нора маленькая. Повернуться негде. Так, не нора, а норка-норушка.

Вот у Лисы — большая нора. Ходят слухи, у Волков тоже норы обширные. А у Медведей и подавно — хоромы!

«А чем я хуже? — расстраивался Хома. — У меня четыре ноги и два глаза, как и у них. И нос имеется, я им дышу. Зубы у них, конечно, больше. Большие зубы. Острые. Может, мне потому и нора просторная не по зубам?.. Ну, это мы ещё поглядим, посмотрим и увидим. Такую нору себе откопаю, все ахнут!»

— За работу! — воскликнул Хома.

Слово сказано, дело сделано.

Начал Хома свою нору расширять.

Лапами заработал, земля так и посыпалась. А куда её девать? Куда?

Но Хома не растерялся, он её в другую стену вминать стал. С одной стороны копает, в другую утрамбовывает.

А земля рыхлая. Чем больше Хома нору расширяет, тем меньше нора становится.

Хома пуще прежнего старается. А всё тесней и тесней становится. Пришлось ему к выходу пятиться.

Пятится Хома, копает вовсю, налегает. А земля наступает и уже в нос лезет.

И часу не прошло, как Хома снаружи оказался.

Ну прямо-таки выперло его. Снизу доверху нора землёй забита.

Была нора, а стало ровное место.

Удивился Хома. Где же нора? Осмотрелся по сторонам — нет нигде.

Надо же, нору потерял!

И пошёл Хома свою нору искать.

— Не видели мою нору? — у всех спрашивал.

— Не видели, — отвечали.

Старина Ёж не видел, и Заяц-толстун, и ещё кто-то…

И даже лучший друг Суслик не мог показать.

— Пошли мою нору искать, — сказал ему Хома.

— Я пошёл бы, — сказал Суслик, — да боюсь далеко отходить, свою потеряю.

Зовут Хому к себе жить и старина Ёж, и Заяц-толстун, и лучший друг Суслик.

— Спасибо большое, — не соглашается Хома.

Уговорили его всё-таки.

Стал Хома у Суслика жить. Пожил немного и ушёл.

— Извини, Суслик. Ты носом во сне свистишь. Заснуть не могу.

И от Зайца-толстуна ушел.

— Ты по ночам от страха трясёшься, — сказал, — будоражишь.

И от старины Ежа ушел. Он колючий.

Долго Хома свою нору искал…

Широкие поля проходил, бурные реки переплывал — нет его норы. Словно сквозь землю провалилась.

На лугу ночевал, мягкая трава ему под бок стелилась.

В дремучем лесу спал, могучие дубы его ветвями накрывали.

Громкую тишину слушал, тихие звоны… В догонялки с ветрами, ветерками, юркими сквознячками играл.

Прозрачные ключи-родники водой поили. А еды вокруг, зёрен всяких! Семена летучие, бывает, сами ночью в рот летят, только раскрой и жди!

Лежал как-то Хома, пригорюнившись, на копне. Сложил ладошки под голову и на небо смотрел, где звёзды, улыбаясь, мигали.

Вдруг чувствует, что копна будто бы оседает. И загадочные звуки слышатся: хрум-хрум-хрум…

Не успел Хома опомниться, как внизу оказался.

Стоит над ним кто-то болыпой-пребольшой на длинных ногах, последнюю охапку сена жует. А на голове рога огромные, ветвистые, точно два сухих дерева.

Испугался Хома:

— Ты кто?

— Я Лось Сохатый, — пробасил незнакомец, — а ты кто?

— Я Хома-хомяк, — пискнул Хома. — Я свою нору ищу. Никак найти не могу. Потерял.

— Где же ты жил?

— А я везде жил, — ответил Хома. — У Зайца, у Ежа, у Суслика. И в лесу, и на лугу, и в поле…

— А сейчас ты что делал? ^

— Я на копне лежал и на небо смотрел, там звёзды мигают, ^ заулыбался Хома.

— А у меня такого не было, — с завистью сказал Сохатый. — Ну, прощай.

— Постой, — остановил его Хома. — А где твоя нора?

— А зачем она мне? — покачал рогами Сохатый. — Мне она не нужна. Мне без норы просторней.

Долго слушал Хома, как затихают тяжелые шаги Сохатого. И снова взглянул на небо, где мигали звёзды.

— Нашё-ё-ёл! — внезапно закричал Хома.

Вот уже сколько дней и ночей искал Хома свой дом, свою нору. Солнце светило Хоме и Луна. Не мог найти. А тут — нашёл!..

Дом был большой, просторный. С высокой крышей неба и распахнутыми настежь стенами. В этом доме было всё: Солнце и Луна, земля и вода, трава и деревья…

— Нашё-ё-ёл!

Вернулся Хома из дальних странствий, стал Суслику хвастаться:

— Весь мир — моя нора. Вот это всё — наш дом, — и широко повёл лапой. — И поле, и роща, и всё, что за ней.

— Уж слишком он большой, — испугался Суслик. — В нём заблудиться можно, да и съесть могут. Давай лучше маленькую нору тебе выкопаем?

Подумал Хома. Посмотрел по сторонам. И согласился.

— Давай. Лишняя нора не помешает.

Так он вернулся и стал жить дальше.

В новой норе, рядом с лучшим другом Сусликом.

КАК ХОМА С МУРАВЬЁМ ДРУЖИЛ

Пожалел как-то Хома бедолагу Муравья. Его на утлой щепке по ручью несло и крутило. Протянул Хома прутик, и Муравей вмиг на берег перебрался.

Крупный такой Муравей, хоть и маленький. Не местный: коричневый, а не чёрный. Издалека приплыл. Потом уж Хома узнал: его дождём в ручей смыло.

— Спасибо, — пропищал Муравей. — Спасибо огромное!

— Пустяки, — отмахнулся Хома. — Большое дело?!

— Большое, — упорствовал Муравей, — хоть ты и маленького спас.

Заспорили, большое или небольшое это дело.

Тут на берегу Суслик появился. То ли прогуливался, то ли просто попить пришёл. Скорее всего, всё вместе: прогулялся к ручью попить.

Выслушал он солидно спорщиков и, не раздумывая, рассудил:

— Ты, Хома, большое дело сделал.

— Кто прав! — обрадовался Муравей.

— Но ты, мураш, прав только наполовину. Хома большое дело сделал, потому что он большой. Ну, по сравненью с тобой. А вот ты не должен был «огромное спасибо» говорить, потому что ты мал. Значит, и «спасибо» от тебя, мураша, может быть только маленьким.

Озадачился Муравей. Да ведь и правда: разве может он, крошка-мураш, хоть когда-нибудь чем-то большим, значительным своего спасителя отблагодарить!..

Хоме после таких слов стало так приятно, что он и дальше решил быть великодушным и благородным. Порасспросил он Муравья, узнал, что его муравейник очень далеко отсюда, и пригласил к себе в нору пожить, сил набраться перед дальней дорогой.

— А хочешь, вообще у меня живи, — вконец расщедрился Хома, — места у меня много, а ты — маленький, не стеснишь.

— Спасибо огро… Маленькое, — спохватился Муравей. — Поживу. Но только до холодов. Зимовать мы только в муравейнике можем.

И стал он в норе у Хомы жить. Ямку там себе в углу сделал, а Хома рядом с ней заботливо светящуюся гнилушку положил, чтобы ненароком на гостя в темноте не наступить.

Суслик осуждал Хому за такую странную доброту:

— Зачем он тебе? Никакой от него пользы. Как от Козла — молока, а от Ежа — перьев!

— Отстань, — бурчал Хома.

— Если тебе самому неудобно мураша вытурить, — предлагал Суслик, — пусть ко мне жить перейдёт. Я не ты, я его тут же выставлю! И ты будешь ни при чём.

— Не стыдно тебе такое говорить? — укорил его Хома.

— Не-а. А хочешь, я ради тебя, так и быть, могу как-нибудь вечерком сладко зевнуть и случайно его… проглотить, — бубнил своё Суслик, — хоть он, наверно, и кислый.

Хома наотрез отказался. Чего вздумал!

Но, увы, и сам он теперь жалел, что расщедрился, пустив Муравья к себе жить. Так уж вышло. Слово не воробей, вылетит — не поймаешь. Особенно того воробья, который уже вылетел!

Понятно, Муравей не очень-то ему мешал. Но вдвоём жить — это тебе всё-таки не одному. Не так вольготно. Вот хотя бы храпеть нельзя, маленький гость оглохнуть запросто может. Или — под ноги надо постоянно смотреть, когда домой возвращаешься. Вдруг Муравей с прогулки, или там с охоты своей, тоже домой топает. Опять же — ты спать хочешь, а твой гость длинный рассказ заведёт про то, как он на Муравьиного льва охотился. Тут Суслик кое в чём прав — пользы от Муравья никакой. Одни неудобства.

Если бы хоть кто-то восхищался его, Хомы, поступком, тогда можно было бы и потерпеть. Так нет, тот же Суслик каждый день насмехается: «Как от Козла — молока, как от Ежа — перьев, как от Вороны — сыра!». Легко ему говорить, он один живёт, в ус не дует.

Хома ему так однажды и сказал:

— Хорошо тебе, живёшь — в ус не дуешь!

Напыжился Суслик:

— Ага! Хорошо. Не дую. Не то что ты.

— Ладно, — обиделся Хома. — А почему не дуешь?

— Куда? — оторопел Суслик.

— В ус!

— Потому что живу хорошо, — нашёлся Суслик.

— Если хорошо живут, то обязательно в усы дуют. Вот так: пф, пф! — заносчиво подул Хома в свои усы, влево и вправо.

Суслик потерянно молчал. А потом:

— Я дую, дую! Пф, пф!!

— А раз дуешь, значит, тоже плохо живёшь. Кто хорошо живёт, тот в ус не дует, — вконец запутал его Хома. — Так-то!

Приструнил он Суслика, окоротил, да легче от этого жить не стало. Всё время одна и та же мысль гложет: «Вдвоём в одной норе живём, а Суслик-то один — в одной! Скорей бы зима подходила, Муравей обещался лишь до холодов задержаться».

Но того никто не подозревал, что приближалась беда. Лиса и Волк — они вновь к ним в рощу вернулись — давно зарились на Хому и Суслика. На Хому даже больше, он толще. Да уж очень и Хома и Суслик осторожные были. Всегда начеку! Вот и придумала Лиса для них хитрую ловушку. Она предложила Волку поймать их… на удочку. Умная она, Лиса. Недаром её дразнят — Рыжая!

Все рыжие звери — умные. Тигры хотя бы. Или рыжие коты.

Неспроста ведь поговорка имеется: «Что я, рыжий?!» Так с ходу отвечают, когда что-то невероятное предлагается. Тем самым утверждают, что на Такое лишь рыжий решится, а остальным тут делать нечего. Ну, а Лиса-то — рыжая из рыжих. Ей не к лицу отказываться: «Что я, рыжая?!» Ей всё ни по чём. Такой уж уродилась. Рыжей.

Она и придумала эти самые удочки на мелких зверьков. Вообще-то, несложная снасть. Надо нагнуть гибкую длинную орешину до земли, закрепить легонько и привязать к ней затяжную петлю. Замаскировать и насыпать внутри петли корму. Ловушка готова.

Заденешь случайно конец орешины, он резко выпрямится — и повиснешь, схваченный за лапы петлёй, в воздухе!.. Из чего Лиса петли сделала? Да из высокой травы сплела, три дня пыхтела — старалась. Наверно, всё на свете рыжие изобрели!

Вот и попались как-то Хома и Суслик на удочку. Точнее — на удочки. Висит каждый на своей орешине. Хома — головой вверх, за передние лапы пойман. А Суслик — головой вниз, за задние лапы петлёй схвачен.

Сами виноваты. Пожадничали. Нет бы призадуматься, отчего это ни с того ни с сего были орешки лущёные под кустами насыпаны. Лущёных орешков просто так не бывает, их сначала разгрызть надо. А кто разгрыз? И почему не съел? И зачем здесь оставил?!

Вылезают из засады Лиса и Волк. Довольные!

А Хома их не видит, кричит лучшему другу:

— Что там внизу?

— Конец пришел, — трясётся Суслик.

— А разве он… ходит? — растерялся Хома.

— Кто? — жутким голосом сказал Суслик.

— Конец.

— Конец не ходит, а приходит! Я говорю: нам конец пришёл!

— К нам? — ослышался Хома. — Откуда? — вертится он, стараясь вниз взглянуть.

— Оттуда! Из-за кустов! — вскипел Суслик.

— Не обманывай! Раз конец не ходит, значит, и не приходит!

Нашли о чём спорить! Тут внизу — гибель неминучая, а они выясняют: кто да что и откуда.

Наклонили орешины Волк с Лисой и сцапали голубчиков. Связали их травяными жгутами и в логово к Волку отнесли, под корявую сосну. Затем Волк назад сбегал и вновь ловушки нацелил — для новой добычи. Разохотился. Вдруг кто-то ещё попадётся.

А Муравей-то всё видел!..

Решили Волк и Лиса добычу поровну поделить. А как? Суслик — длиннее, Хома — толще. Можно бы, конечно, взвесить. Да весов нет. А если б и были, пользоваться ими не умеют.

И пока Волк с Лисой препирались, кому кто достанется, Муравей успел других Муравьёв созвать. Не своих, конечно. А первых попавшихся.

Двинулись кучно муравьи Хому и Суслика выручать. Хома же их собрата спас!

Муравьи, они-то маленькие, заползли прямо под жгуты, которыми пленники связаны были, и давай перегрызать.

— Ой-ёй! — дёргался, лёжа на спине, Хома. Он не знал, в чём дело. — Щекотно!

— Ой-ёй! — дёргался рядом Суслик. — Это мне щекотно, не передразнивай!

— Скоро вам не будет щекотно, — пообещал им Волк.

— Скоро вы успокоитесь, — ухмыльнулась Лиса.

И вновь принялись добычу делить.

— Бери себе Суслика! — требовал Волк.

— Сам бери, — отказывалась она. — Хомяка хочу!

— Хомяк — мой! Мой, мой! — капризничал Волк.

— А почему? — зло вытягивала она нос.

— Ну, он симпатичней, — уклончиво отвечал он.

— А может, толще? Может, вкуснее? Может, потому что он с орешками? Вон, за щеками набиты!

— Ничего подобного. Не из-за этого, — хитрил Волк. — Просто симпатичный.

— Слыхал? — гордо заметил Хома Суслику. — Я симпатичней тебя.

А Лиса и Волк всё делят.

— Бери Суслика, — настаивала Лиса. — Он больше. Длиннее и умнее на вид!

— Слыхал? — мгновенно заявил Хоме Суслик — Я умнее!

— Если б ты был умнее, ты бы здесь не лежал! — оскорбился Хома.

— А где бы я лежал?? — взорвался Суслик.

— Дома! Дома лежал бы! У себя, а не у Волка!

— А ты-то сам где?

— Где-где! В беде! — расшумелся Хома. — Из-за тебя, растяпы! Ты первый позарился на дармовые орешки!

— Я?!

Забыв обо всём, кинулись они друг на друга. Тут бы из них шерсть полетела, да внезапно очнулись они и поняли, что свободны.

Муравьи успели путы перегрызть.

Бросились Хома и Суслик прочь во всю прыть.

Волк и Лиса — за ними. Да без толку. Всё время сталкивались, продолжая на ходу выяснять, кто кому достанется и кому за кем гнаться.

— Ты где? — внезапно остановился Волк. Лиса вдруг исчезла. Была и нету!

— Словно улетела, — пробормотал он.

— Взлетела, а не улетела! — послышался откуда-то сверху раздражённый голос Лисы.

Они оказались как раз на том месте в орешнике, где были подготовлены удочки-ловушки для новой добычи. Лиса впопыхах и угодила лапами в петли. Теперь она висела на двух орешинах вниз головой и злобно смотрела на сообщника:

— Болван! Предупредить не мог!

— Сам чудом не попался, — оправдывался тот. И неожиданно просиял. — Ну, раз ты из игры вышла, хомяк — мой!

— Свой, — передразнила Лиса — Ищи-свищи.

— Да? — обеспокоился Волк. — Слышь, тебе там хорошо видно сверху? — И попросил: — Погляди, где он.

— Дома! В норе! — вскричала она.

— Тебе что, оттуда всё и под землёй видно? — удивился Волк.

— Снимай скорей! — задёргалась Лиса. — Охотничек.

— А чего, — гордо заявил Волк. — Суслика поймали, хомяка поймали, Лису пой…

Он умолк и почесал в затылке.

— Под ноги смотреть надо, — буркнул он.

— Снимай! Кому говорю! — заверещала Лиса.

— Что я, рыжий! Сама эти штуки придумала, сама и снимайся. Повиси там, поразмышляй, как правильно добычу делить. — И Волк побрёл восвояси. Обернулся. — Утром сниму. А ты думай, думай.

А беглецы и правда уже давно были дома. Забились вдвоём в нору Хомы, она ближе оказалась.

Тут и Муравей прибежал. Рассказал про всё.

— А я-то думал, почему мне так щекотно! — Хотел Хома расцеловать Муравья, да вовремя остановился: вдруг случайно его расплющит или того хуже — проглотит.

А Суслик великодушно сказал:

— Знаешь, Муравей, давай со мной дружить. Переходи в мою нору.

Не успел Хома возмутиться, как Муравей смущённо сказал:

— Нет уж, мы с Хомой.

И у него остался.

А осенью ушёл он вверх по ручью искать свой муравейник. Хома с Сусликом его до ручья проводили. На своих спинах Муравья несли. Попеременно, чтоб не очень устать.

Исчез Муравей в пожухлой траве.

Вытерли слёзы Хома и Суслик. Ничего, он обещал на следующий год наведаться. Снова на щепке приплыть. Но уже с шестом.

А не то ещё мимо пронесёт!

Пили как-то утром Хома и Суслик воду из ручья. И не замечали, что к берегу на той стороне, прямо напротив них, Лиса крадётся в густой траве. Ей, Лисе, ручей перепрыгнуть — запросто. Ну, если постараться.

Попили Хома и Суслик.

И даже умылись: по горстке воды в мордашки кинули и лапами растёрли.

— Денёк-то какой! — беспечно восхитился Хома.

— Ещё неизвестно какой, — пробурчал Суслик.

— Хороший, — сладко сощурился Хома.

— Да вон же тучка надвигается. Ещё промочит! Вон она! — показал Суслик на низкое облачко. И осёкся, застыв. Он вдруг увидел Лису, высунувшую голову из густой травы на том берегу.

— Это не тучка, это Лиса, — снисходительно возразил Хома, — а тучка вон где… — Вздрогнул и тоже замер.

Хрустнул под лапой Лисы сучок, вскрикнули оба дружка и кинулись прочь по берегу. Перемахнула Лиса через ручей и погналась за ними. Вот-вот настигнет!

К счастью, увидали вдруг беглецы какое-то брёвнышко, оно по ручью плыло. И разом, не сговариваясь, прыгнули на него. Очутились они на нём — хвост к хвосту, носом в разные стороны, — и поплыли по течению.

КАК ХОМА И СУСЛИК НЕ РАЗЛУЧАЛИСЬ

Пили как-то утром Хома и Суслик воду из ручья. И не замечали, что к берегу на той стороне, прямо напротив них, Лиса крадется в густой траве. Ей лисе ручей перепрыгнуть — запросто. Ну, если постараться.

Попили Хома и Суслик.

И даже умылись: по горстке воды в мордашки кинули и лапами растерли.

— Денек-то какой! — беспечно восхитился Хома.

— Еще неизвестно какой, — пробурчал Суслик.

— Хороший, — сладко сощурился Хома.

— Да вон же тучка надвигается. Ешё промочит! Вон она! — показал Суслик на низкое облачко. И осёкся, застыв. Оя вдруг увидел Лису, высунувшую голову из густойтравы на том берегу.

— Это не тучка, это Лиса, — снисходительно возразил Хома. — а тучка вон где… — Вздрогнул и тоже замер.

Хрустнул под лапой Лисы сучок, вскрикнули оба дружка и кинулись прочь по берегу. Перемахнула Лиса через ручей и погналась за ними. Вот-вот настигнет!

К счастью, увидали вдруг беглецы какое-то брёвнышко, оно по ручью плыло. И разом, не сговариваясь, прыгнули на него. Очутились они на нём — хвост к хвосту, носом в разные стороны, и поплыли по течению.

— Денёк-то какой! — передразнил Хому Суслик.

А Лиса уже забежала вниз, к повороту.

И уселась на бережку, ожидая, когда беглецов принесёт непременно к ней.

Глянули они на неё, распластались на брёвнышке и заработали всеми восемью лапами, как вёслами.

— Греби вперёд! — командовал Хома, загребая против течения.

— Сам вперёд греби! — возмущался Суслик, загребая в свою сторону, по течению.

Их по-прежнему неумолимо сносило к Лисе. А та довольно улыбалась, вся наготове.

Она, конечно, могла бы броситься в воду и их схватить. Да не хотелось ей мокрой быть. Лисы, как и кошки, почему-то не любят воды.

— Куда гребёшь? — в отчаянии крикнул Суслику Хома. — Вперёд — значит, назад!

— Теперь понял, — на мгновенье задумался тот. — Не мог сразу точно сказать?!

Ворча и суетясь, он переместился на брёвнышке в нужную сторону, тоже головой против течения.

Теперь они так слаженно загребали, что брёвнышко стало быстро удаляться от опасного поворота. Лиса злобно фыркнула и побежала трусцой за ними по берегу.

Только пристали они к другой стороне ручья, как Лиса сразу туда перепрыгнула — вихрем пронеслась над ними. Но они тут же отчалили и подгребли к своему берегу. Опять перепрыгнула ручей Лиса, а они снова оттолкнулись.

И вновь всё повторилось.

Так она прыгала и прыгала с берега на берег, как бешеная. Туда — сюда, туда — сюда!..

До самого вечера Лиса через ручей перескакивала! Даже голова у неё уж на что крепкая, и то закружилась. Сидит Лиса на берегу, в глазах радужные круги вертятся.

Наконец, всё перед ней успокоилось и стало на своё место. Видит, пустое брёвнышко у другого берега плавает, а Хомы с Сусликом и след простыл.

Еле отдышались беглецы в своих норках. А потом Хома явился к лучшему другу и сказал:

— Видал? Вместе мы — сильней и хитрей! Вдвое умней — две головы-то, даже с твоей. Вдвое быстрей — одних лап-то сколько, а у тебя, вообще, вон какие длинные, загребущие.

— Поодиночке мы бы пропали, — закивал Суслик. — Вдвоём — лучше!

— А раз так, давай никогда не разлучаться, — неожиданно сказал Хома.

— Да мы и так неразлучные друзья.

— Не совсем неразлучные, а надо — совсем!

Выскочил Хома из норы и вскоре вернулся с длинным крепким побегом дикого хмеля.

— Обмотаем друг друга, — предложил Хома, — за талии…

— Да у тебя талии нет, — перебил его, хмыкнув, Суслик — Как бочонок.

Хома недоверчиво оглядел себя.

— Ну, тогда вокруг животов обмотаемся, на узел завяжемся и станем навсегда неразлучными. А?

Суслик задумался

— Вдвоём — лучше! — напомнил ему нетерпеливый Хома. — Сам же говорил. Умён! — польстил он ему.

— Тогда — конечно, — приосанился Суслик. — В глупостях не замечен.

— Пошли, — заторопился Хома, — проверим мою… твою, — спохватился он, — умнейшую мысль.

— Но мы уже проверили. Не смогла же Лиса нас поймать.

— А теперь по-другому проверим, — подталкивал его к выходу Хома. — Мы ведь тогда ещё не связывались с тобою вместе.

Вышли они наружу, встали бок о бок, обвязались несколько раз длинным стеблем хмеля, концы его на узлы затянули.

Идут. Друг к другу приноравливаются, учатся вместе ходить. Не очень-то удобно, но получается.

Вполне терпимо.

— Ну, где тут Лиса? — расхрабрился Хома. — Мне Лису подавай!

— Ты потише ори, — пугался Суслик. — А то накаркаешь на нашу голову.

— На наши головы, — уточнил Хома. — А они у нас ух какие! Две!

— Всё равно потише. Лиса услышит.

— А как же без неё мою… твою задумку проверить по-настоящему?

— А ты понарошку проверяй. Представь себе, что сейчас позади нас Лиса, и…

Оба невольно оглянулись. Позади и впрямь показалась Лиса.

— У-у-у! — вскричали они в один голос и бросились прочь по тропинке со всех восьми лап.

Затявкала Лиса и вновь погналась за ними.

Добежали Хома с Сусликом до ореховых кустов, здесь тропинка раздваивалась.

— Бежим налево!

— Бежим направо!

Хома влево дёрнулся, Суслик — вправо.

Охают, сопят. Семенят лапами, елозят. А сами — ни с места.

А Лиса всё ближе. Снова оглянулись они и дружно рванули не налево, не направо, а напрямик — на пригорок, где стояла одинокая старая ива.

Настигает их, тяжело дыша, Лиса.

Поднажали беглецы, мигом домчались до длинных веток ивы, свисающих к земле, и, не останавливаясь, словно побежали прямо по веткам вверх.

Лиса, ошалев, задрала голову.

Оказалось, они, цепляясь за ветки — Хома за одну, Суслик за другую, соседнюю, — быстро подтягивались, как по канату.

Подпрыгнула запоздало Лиса — не смогла достать. Высоко они забрались. Повисли у верхушки дерева. Каждый за свою ветку крепко держится.

Усмехнулась Лиса. И стала обе эти ветки снизу раскачивать.

— Держись крепче! — обернулся Хома к Суслику.

— Нет, ты крепче держись — ты тяжелее!

— А ты ростом выше.

— А раз я выше тебя, значит, меня слушайся!

— Не буду! — возмутился Хома.

— Ах, так. Тогда на тебе! — И Суслик, отпустив свою ветку, гордо скрестил на груди лапы. Настолько гордо, насколько смог: привязанный к нему Хома мешал.

Их сразу дёрнуло вниз. Запыхтел Хома, с трудом удерживая двоих на весу.

Заскользила у него в лапах гибкая лозина.

Рванула Лиса ветку посильней. Ветка оторвалась. И…

С нарастающим свистом полетели Хома и Суслик вниз!

Им-то что, даже не ушиблись — прямо на голову Лисы рухнули! А вот ей каково!

Мало того, что чувств лишилась, ещё и шишка здоровенная у неё на носу вскочила!

— Красота! — ликовал Хома. — А если бы мы по одному упали, ничего бы с ней не случилось.

— А из-за кого мы упали? — усмехнулся Суслик.

— Из-за тебя! — вскипел было Хома. — Вечно ты… Слышь, ты что, нарочно всё это подстроил?

— Конечно, — соврал Суслик и ласково погладил себя по голове. — Бродят тут кое-какие мысли.

— Умён, — повторил Хома, на этот раз чистосердечно. — Даже странно.

А сам всё к раскинувшейся под деревом Лисе приглядывался:

— Может, её к нам оттащить? Может, её вместо коврика у норы кинуть?

— Пошли, пошли, — заторопился Суслик, — а то она очнётся и нас вместо ковриков у норы кинет. У своей, — добавил он.

И они не спеша двинулись к себе.

— Как мы её с носом оставили! — торжествовал Хома.

…Интересная у них теперь жизнь началась. Всюду вдвоём ходили, связанные.

Поначалу они мирно уживались: увидит Суслик зёрнышко слева по пути, а Хома заметит зёрнышко справа, — уступит другу Суслик, позволит первому взять. Затем и Хома ему вежливо уступит.

А однажды, войдя во вкус, Суслик вдруг пересилил: так рванулся к своему зёрнышку, что Хома упал бы, если б не был привязан. А Суслик проволочил его за собой и хвать добычу. Жуёт, довольный.

Снова пошли.

Теперь Хома перетянул дружка в свою сторону, устремляясь к вкусному корешку. На этот раз Суслик чуть не шлёпнулся, а Хома протащил его за собой.

Ссориться начали. Один хочет идти туда, другой — сюда. Хома вперёд шагает, Суслик назад пятится. Разносятся по лугу их сердитые голоса:

— Пусти! Я есть хочу!

— Ну, и иди сам!

— Без тебя никак не могу, ты не пускаешь!

Дёргаются они в разные стороны.

— Я устал, — вдруг капризно сказал Суслик. Зевнул, потянулся и обвис на связке, закрыв глаза. Заснул, видите ли.

Ну что тут делать?

Побрёл Хома с похрапывающим дружком, поволок его дальше, высматривая всякие зёрна по пути.

Ух, и тяжела ноша. Пыхтит Хома, охает…

Подпрыгнули пятки у Суслика на кочке — проснулся он, деловито протёр глаза и сразу потащил Хому к кустику дикого овса.

Приволок. Сам лопает, обжора, локтями Хому отталкивает. Даже на лапу ему наступил.

Вскрикнул Хома! И в отместку тоже надавил ему на лапу.

Набросился на него Суслик, а тот — на него! Покатились они по лугу, только лапы мельтешат. Да размахнуться трудно. Драчуны какие!

Трак! — и разорвалась связка. Были вместе, теперь порознь. Ничем не связаны.

Встали. Взъерошенные, грозные!

И внезапно — пожалуйста, Лиса тут как тут. Злорадно улыбается, сейчас сцапает!

А они в запале схватки вдруг решительно шагнули к ней: только её, мол, здесь и не хватало, ещё и эта вмешивается?!

Опешила Лиса, растерялась.

Кулачки у них сжаты, глаза горят, зубы сверкают, шерсть дыбом! Смело наступают на неё Хома и Суслик. Дружно, в ногу! Будто вырастают в её глазах. Непривычно храбрые, встопорщенные, гневные!

Повернулась оробевшая Лиса. И побежала прочь: искать себе более лёгкой добычи.

Остановились Хома и Суслик, отдышались. Переглянулись и неожиданно рассмеялись звонко. Пожали друг другу лапы на радостях и обнялись.

— Говорил же, вдвоём — лучше! — воскликнул Хома.

— А ты как думал?! — подмигнул Суслик.

И оба крикнули вдогонку Лисе:

— Что, съела!